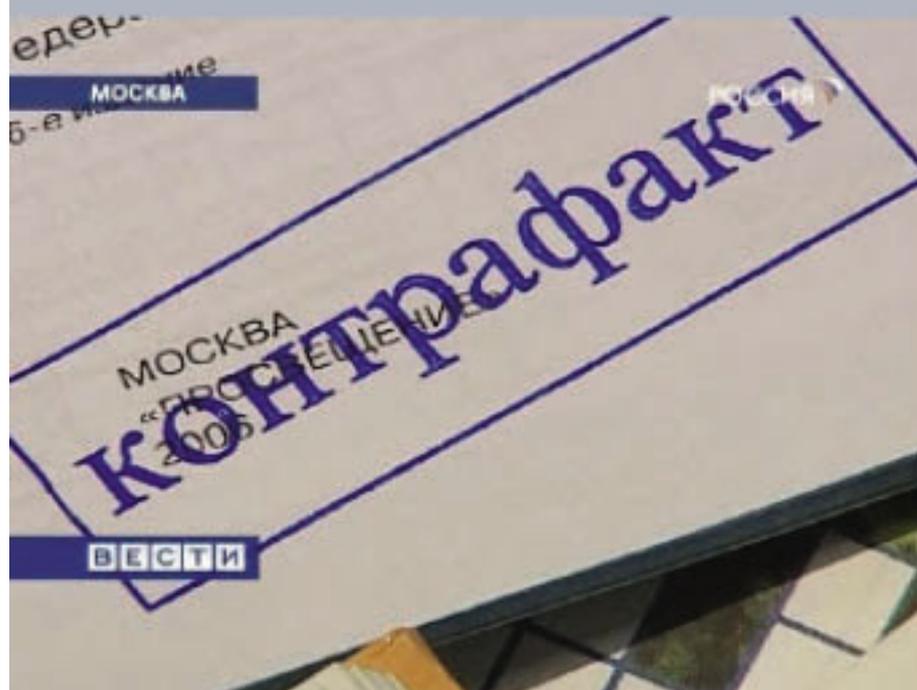

Борис Штейн

КОНТРАФАКТ

(роман, ранее выходивший под названием
«Книжный марафон»)

Невыдуманные и выдуманные истории
из жизни книжного клуба «Олимпийский»
в 90-х годах XX века

«Книга-Секрет»

2015

Борис Штейн

Контрафакт

«Книга-Сэфер»

2015

Штейн Б. С.

Контрафакт / Б. С. Штейн — «Книга-Сэфер», 2015

Действие романа Бориса Штейна происходит в 90-е годы на знаменитом московском книжном клубе. Это единственная книга, рассказывающая о становлении и нравах российского книжного рынка. Роман написан в стиле лучших книг Артура Хэйли. Главный герой романа во многом повторяет судьбы автора. Морской офицер. Известный писатель. И вот далеко за 50 резко меняет судьбу и становится книгопродавцем. Но это фон роман. А сам роман о... любви. Его герои, занесенные в столицу из разных уголков бывшей общей родины, ищут себя и друг друга в жестокой круговерти 90-х. В этой игре без правил они руководствуются собственными понятиями о добре и зле. Контрафактный быт, контрафактные чувства, контрафактная страна и – контрафактные книги, школьные учебники, вокруг которых строится детективная интрига романа.

Борис Штейн

Контрафакт

Роман, ранее выходивший под названием «Книжный марафон»

Невыдуманные и выдуманные истории, из жизни книжного клуба «Олимпийский» в 90-х годах XX века

Обращение к прообразам героев

Господа!

Позвольте заверить вас в том, что герои произведения не во всем похожи на вас и надежны свободой поступать по своему усмотрению, а потому не следует гневаться на некоторые несоответствия их и ваших действий, мыслей и чувств.

Автор

Пролог (вместо эпилога)

В августе на книжной ярмарке случилось потрясение. У некоторых книготорговцев были изъяты крупные партии товара. В арестованных книгах не содержалось ровным счетом ничего предосудительного: ни разнузданной порнографии, ни призывов к свержению конституционного строя, ни разжигания национальной розни. Отнюдь, отнюдь. Под обложками всего лишь прятались теоремы и уравнения, исторические события и биографии писателей, а также множество других полезных вещей. Да-да, вовсе не содержание учебников (а теперь уже ясно, что это были учебники) вызвало набег на них правоохранительных органов, вовсе не формулы и даты. И мы тут провоцируем недоуменный вопрос уважаемого читателя:

– Тогда – что же?

И отвечаем сначала односложно:

– Деньги.

А потом поясняем: Деньги, выручаемые от продажи контрафакта. И еще сообщим начинающему читателю, что «Алгебра» «Алгебре», оказывается, рознь, хоть все иксы и игреки абсолютно совпадают. Все биномы остаются неизменными, а вот на титульной странице можно обнаружить разницу – там, где обозначает себя издательство, выпустившее учебник. Откроем одну книжку – прочтем: «Просвещение». Откроем другую такую же книжку – прочтем на том же месте совершенно другое название. Будет там стоять какая-нибудь «Альфа», «Гамма» или «Омега» или просто такое емкое и в данном случае пустое слово – «Москва». И если детям безразлично, что там написано, на титульном листе, то некоторым заинтересованным лицам это как раз и важно, важнее многого другого. Предпринимались даже попытки поднять общественное мнение против этого самого контрафакта, вызвать всенародный гнев или по крайней мере – возмущение. Так, например, когда громили книжный склад Леонида Петровича, московская молодежная газета поместила заметку под таким названием: «Детей собирались учить по фальшивой азбуке». Ужас какой, если не вдумываться! А по телевидению выступил известный и где-то прогрессивный адвокат – трудно удержаться от уточнения, кто именно, да и не станем удерживаться. Его фамилия – Кучерена. И господин Кучерена, юридически аккуратно обращаясь с терминами, объявил населению страны, что если у кого-нибудь ребенок в процессе обучения начнет болеть глазами или кашлять, то нужно посмотреть, не по «левому» ли учебнику он занимался, а если так, то причина заболевания может как раз таиться в кон-

трафакте, ибо безвредность бумаги и шрифтов здесь никто не гарантирует. Потому что – какой может быть у контрафакта медицинский сертификат? Да никакого. И видный адвокат советовал родителям таких заболевших учеников обращаться в суд с исками к издателю, требовать его наказания и возмещения затрат на лекарства.

Ах, мэтр...

А в начале сентября по пятому этажу книжной ярмарки, которую все почему-то называли книжным клубом, среди немалого количества народа двигался, разумеется, в штатском, старший лейтенант милиции Суржиков Петр, имея от начальства задание, которое смело можно было назвать щекотливым.

Старший лейтенант не любил торговцев. Он называл их, независимо от ранга и масштаба, спекулянтами. И то сказать: покупают задешево, продают задорого – кто же они еще? Спекулянты и есть. Да и отец старшего лейтенанта Суржиков Роман, между прочим, отставной полковник, был того же мнения на этот счет.

– Если ты предприниматель, – говорил он, сделай что-нибудь материальное: гайку, болт или, там, выпеки буханку хлеба. А то ваучеры скупил, завод приватизировал, цеха сдал под водочные склады и – на Канары, омаров трескать. Так кто же ты есть? То-то!

Нелюбовь свою к спекулянтам, или, по-криминальному, к барыгам, Суржиков-младший реализовывал, служа в УБЭПе – отделе борьбы с экономическими преступлениями, и, участвуя в той или иной акции против нарушившего закон спекулянта, испытывал моральное удовлетворение. Тем досаднее было для него полученное щекотливое задание – найти покупателя на часть изъятых в августе книг. Потому что – как же получается: одной рукой изъяли, а другой... Но Суржиков Петр был офицером дисциплинированным и, получив задание, имел обыкновение не рассуждать, а стремиться выполнить его, как учили в армии: беспрекословно, точно и в срок.

На этаже, как уже отмечалось, былолюдно, но Петр Суржиков имел ориентировку, что, где, кто и как, и быстро освоился. Вот стоит за прилавком толстый человек со слегка выдающимся вперед подбородком. Это – Блинов Владимир, бывший, между прочим, сотрудник милиции. К нему подходить строго-настрого запрещено. Кинули взгляд, проплыли мимо. А где же Егоров Леонид Петрович? Ага, вот он, у лестничных перил – бодрячок с коротко постриженной седой бородкой. Общение с ним – тоже под запретом. А вот, кажется, и тот, кто нам нужен. Длинный, худой, присел на корточки, записывает, что ему диктует оптовый покупатель. Один диктует, а пятеро в очереди стоят. Нельзя светиться, обращать на себя внимание. Придется стать в очередь – шестым. Терпение, терпение – основа любой оперативной работы. Наконец-то...

– Я хочу не купить, а предложить...

Длинный посмотрел с любопытством. Глаза карие, взгляд веселый и наглый.

– Что предложить?

– То же, что у вас, но за полцены.

– За половину моей продажной цены?

– За половину вашей закупочной.

Воцарилась наибольшая пауза, и Суржикову показалось, что молниеносные строки замелькали в карих глазах, словно загружался компьютер. Наконец прозвучал тихий вопрос:

– Арестованный левак?

И – пытливый, проникающий взгляд.

Старший лейтенант Суржиков взгляд выдержал, он это умел. И ответил спокойно и тоже тихо:

– Вы не задавали этого вопроса, я его не слышал.

– Хорошо. Но видите, мне сейчас некогда...

– Вот номер моего сотового, звоните в любое время суток.

Длинный встал на ноги и с готовностью закивал, спекулянт. Прямо плюнуть хотелось. Суржиков и сплюнул, выйдя из помещения на свежий воздух.

Итак, старший лейтенант завершил щекотливую миссию, а мы же завершили пролог, который действительно можно было бы поставить на место эпилога, потому что длинная цепь событий предшествовала описанной сценке, длинная и разветвленная.

Начнем, однако, по порядку.

По одной из расхлябанных улиц частного сектора небольшого южного городка упрямо продвигался молодой человек, одетый в коричневую кожаную куртку, линялые джинсы и короткие резиновые сапожки. Сапожки были очень даже кстати, потому что человеку пришлось то и дело выбирать между откровенной лужей и коварной снежной кашей, под которой чаще всего скрывалась не твердь, а хлябь. Что же касается куртки, то она была молодому человеку тесновата, так как принадлежала его старшему брату Лешке, а Лешка в плечах был поуже нашего путника, которого, кстати сказать, звали Вадиком. Итак, куртка была тесновата, и Вадик ерзал под ней плечами, словно бы у него был озноб или чесалась спина. Но спина у него как раз не чесалась, и озноба никакого не было, напротив, под вязаным «петушком» выступила даже испарина – так нелегко было перешагивать и перепрыгивать, балансируя свободной правой рукой. Да-да, одной только правой, потому что левая, придерживала бутылку классного португальского портвейна «Порто», с трудом засунутую в неглубокий внешний карман куртки. Бутылку Вадик вручил тот же старший брат Лешка, когда отправлял его на свидание к женщине Аделаиде, не очень молодой по их с братом меркам, но вполне еще ищущей. Излишне и говорить, что женщину для свидания определил тот же Лешка, даже не только определил, но и договорился за брата. Не впрямую, конечно, договорился, а под видом электропробок, которые нужно починить, – дал даже Вадик проволочки для жучков. Проволока лежала в правом кармане куртки. Вадик сунул туда руку – не потерялась. И он стал представлять, как накручивает проволочку на фарфоровую пробку, засовывает кончик под жестяную резьбу, а женщина Аделаида чиркает спичками – светит ему в темном коридоре. А представив спичку, представил и сигарету, и от этого у него засосало под ложечкой – так захотелось закурить. Вот змей, – подумал Вадик о старшем брате, – портвейн дал, а сигареты – забыл, не додумал. Ну, я ему припомню! Смеркалось. На улице было безлюдно. Народ сидел по хатам, смотрел по телевизору перестройку. Разгуливать по распутице добровольцев не было. Разве что Вадик, идущий на свидание к женщине Аделаиде. Аделаида встретила его приветливо, ввела в хату, предложила раздеться-разуться, подала тапочки, большие и нестоптанные. Свет в хате между тем горел: Аделаида загодя сменила пробки. «Ну я тогда старые почию», – заявил Вадик, спасая формальный повод своего визита. Но до жучков-пробок дело не дошло. А дошло дело до портвейна «Порто», до щекотливых разговоров и смелых анекдотов, которых у Вадика был изрядный запас. А на столе-то, на столе-то кроме закуски лежали сигареты «Марлборо» украинского производства – вот что радовало. Вадик курил, Аделаида тоже курила – прямо в хате, ни в какие сени не выходили из тепла.

– Зови меня просто Ладой, – попросила Аделаида и достала из серванта тоже бутылку вина и тоже, между прочим, «Порто»: магазин «Продукты» в частном секторе не баловал пока еще разнообразием ассортимента. Как раз во время перемены бутылок Вадик спросил:

– А где у тебя Манька?

Манька была дочкой Аделаиды, она заканчивала десятилетку. Положа руку на сердце, следовало бы заметить, что если мысли Вадика и залетали прежде в эту хату, то отыскивали там не богатую телом Аделаиду, а худосочную, порывистую в движениях и, признаемся, хорошенькую Маньку.

Но это так, к слову.

– У подруги будет ночевать, – спокойно сказала Аделаида и улыбнулась влажной улыбкой.

Сначала Вадика посетила дурацкая мысль, что, пожалуй, лучше бы, наоборот, Аделаида заночевала у подруги, а Манька егозила бы здесь в хате возле закусок. Но потом он вспомнил, что к женщине Аделаиде направил его старший брат Лешка, а Лешка всегда знал, что делает. И тогда Аделаида ему сразу понравилась и с каждым стаканом нравилась все больше. Тем более что она, разгорячившись, расстегнула две пуговицы легкой кофты, и Вадик ни о чем уже больше не мог думать – только о том, что у нее там под кофтой и каково оно на ощупь. Под влиянием этих крепнущих в нем размышлений Вадик встал из-за стола, подошел к Аделаиде, и Аделаида поднялась ему навстречу. Вадик развернул ее к себе спиной и положил трудовые ладони на то, что последние четверть часа владело его вниманием. Аделаида охнула и наклонилась вперед, как бы давая Вадиду возможность попробовать на вес атрибуты своей женственности. Что тут сказать: вес был вполне достойным. Вадик пришел в неопишное волнение, у него появилась потребность выразить это волнение словами, но подходящие слова не приходили в голову, и он произнес фразу пошлую и, должно быть, обидную для женщины. Он сказал:

– Бэрэшь у руки – маешь вэць!

Но Аделаида не обиделась, нет-нет! У нее тоже появилось стремление что-нибудь прознести в волнении, и она прошептала:

– А ты как думал!

Она быстро скинула верхнее, легла на кровать, позвала Вадика:

– Расстегни сзади.

Потом прошептала:

– О, какие у тебя сильные руки, как хорошо!

А Вадиду-то как было хорошо! Худое жилистое тело ходило ходуном, и что-то зрело внутри молодого организма и, казалось, сейчас взорвется. Вдруг женщина ласково положила руки ему на бедра и проговорила:

– Подожди, успокойся. Побудь так, неподвижно. Отдохни.

– Я не устал, – самодовольно заметил Вадик.

– О, Господи! Нет, не уходи, просто так полежи, пока я дозрею. Положи руку сюда... несильно... нежней, нежней... У тебя что, никого не было?

– Почему не было, – обиделся Вадик. – Было. В армии с одной вольнонаемной. Но она ничего такого...

– Глупый, – нежно проворковала Аделаида. Вдруг тело ее напряглось под Вадиком, задержалось конвульсивно, и Вадика тоже затрясло, будто он попал вместо сгоревшей пробки в электрическую цепь с напряжением двести двадцать вольт, и его обожгло огнем и отпустило, словно кто-то разомкнул наконец рубильник. Аделаида простонала:

– Ой, мамочки!

И проговорила удивленно:

– Господи, да что же это делается!

И так раз за разом – до утра.

Вадик возвращался домой на ватных ногах. Он не выискивал пути посуше, хлюпал сапожками, где придется, и удивлялся своему состоянию, которое можно было обозначить так: легкость на душе и слабость в коленках. Легкость была такая, словно бы и не было невзгод: безработицы, например, и связанного с ней жуткого безденежья.

Безработица обрушилась на Вадика два месяца назад, когда его уволили из таможни. Уволили же Вадика за то, что пожалел торговую тетку. Тетка везла в Россию сельхозпродукты в коммерческих размерах. Казмирчук ее совсем уже довел до точки: грозился высадить с поезда, реквизировать товар в пользу государства и так далее. По лицу тетки было видно, что она лихорадочно соображает, сколько нужно отстегнуть Казмирчуку, чтобы он отвязался. Тут Казмирчук что-то вспомнил и выскочил из вагона, шепнув Вадиду: «Дожди!»

Вадик кивнул не без важности: не впервой!

А тетка возьми да и оклихни его:

– Вадик!

Вадик удивился.

– Борисенко Вадик, – грустно обрадовалась тетка, – я же тебя учила с пятого по седьмой класс. Ты хорошо успевал по математике.

И Вадик не стал ее дожимать – отпустил, да и все. Она, действительно, когда-то учила Вадика и ставила ему по математике исключительно хорошие оценки. Вадик сразу тогда и имя ее вспомнил. У него вообще была хорошая память: Оксана Тарасовна – такое было имя. Вадик произнес его вслух и отдал документы безвозмездно.

Ну, Казмирчук его и выдал за это из таможни.

Нет, голодать Вадик не голодал. И без дела тоже не сидел. У отца с матерью было хозяйство: участок, куры, свиньи – все свое. Еще был конь. На нем возили сено для его же прокорма. Во всяком случае, работы по хозяйству хватало. В том числе и Вадику. Иногда Лешка просил помочь – нажать и подержать при ремонте автомашин. Лешка знал машины, как, например, профессор химии – химию. То есть досконально. Все автовладельцы частного сектора звали его, если что. И Вадик ему помогал, как добросовестный подсобный рабочий, и чувствовал себя в этих случаях солидно, немного даже важничал. Но такие акции происходили нечасто из-за малого количества автовладельцев: накопление первоначального капитала в частном секторе шло медленно. И Вадик стабильно тосковал от неопределенности жизни. Лешка думал-думал, да и придумал Вадику лекарство от тоски в виде женщины Аделаиды.

Тоска действительно прошла. Ей на смену пришел покой. Покой и слабость. В основном, как уже было сказано, – в коленях. Ноги так и норовили согнуться, их приходилось контролировать. Но слабость эта не удручала – напротив, веселила. Вот, дескать, до какой степени – слаб в коленках! И Вадик самодовольно улыбался.

Курить – хотелось.

Не то слово. Зверски хотелось курить. Недокуренную пачку «Марлборо» Вадик, уходя, гордо не забрал с собой, хоть Аделаида и предлагала. И вот теперь он мечтал, как, добравшись до дома, стрельнет у кого-нибудь сигарету – например, у того же Лешки или у отца, хотя у отца скорей всего не окажется. Итак, накурившись, Вадик зароется под одеяло и, закрыв глаза, устроит себе кино: станет прогонять перед мысленным взором те моменты этой необыкновенной ночи, которые удержались в памяти. А что не удержалось – вообразит. Что у него, нет фантазии? О-го-го!

Однако в койку этим утром Вадик не попал. Возле дома стояла выдавшая виды автоцистерна, окрашенная в защитный цвет, в прошлом – явно военная машина. Когда Вадик приблизился, автоцистерна трижды просигналила светом и гудком. За рулем сидел Лешка и курил сигарету, скаля желтые от никотина зубы. Вадик, как загипнотизированный, направился к кабине. Лешка открыл правую дверь и, когда Вадик угнездился на сиденье, блаженно ослабив тело, протянул ему сигарету.

– Ну что, починил пробки? – лукаво спросил Лешка.

– Да нет, – мотнул Вадик вдруг отяжелевшей головой.

– Не кемарь, – Лешка потряс его за плечо. – Есть дело. Иди, перекуси да умойся холодной водой, и поедим. Десять минут тебе, Вадик, давай!

– Куда мы? – спросил Вадик.

Лешка завел мотор.

– На завод «Пиво-воды». За спиртом.

О, Вадик хорошо знал этот завод, единственное значительное предприятие в частном секторе, он давал работу взрослым и буквально снился детям. Снился, впрочем, не весь завод, а его цех РАЗВОДЫ, который, собственно, и находился на территории частного сектора. Пивной

же цех располагался ближе к промзоне – по соседству со складами, автобазами и недалеко от паровозного депо.

В цехе РАЗВОДЫ можно было купить бутылку газированной воды дешевле, чем в магазине. Кроме того, Лешка крутился там иногда, в этом цехе, дружил с работницами, порой что-нибудь починит, приладит – он уже в детстве был умелым и смекалистым. И ему в бутылку специально наливали двойной сироп – вот как!

Однажды он и Вадика привел с собой: «Вот мой братишка!» И Вадику тоже дали с двойным сиропом...

Вадик задремал было, уронив голову на грудь, но машину тряхнуло на ямке, и голова чуть прямо не отлетела – такое было пугающее чувство. Вадик уселся попрочнее и потянулся за сигаретой. Лешка вырулил на асфальт и слегка прибавил скорость. Потом, чиркнув спичкой и удерживая руль локтем, прикурил, затянулся и спросил по-свойски:

– Ну как Аделаида – не обидела?

Вадик покраснел и пожал плечами. Он хорошо знал своего старшего брата и не сомневался, что тот сейчас примется зубоскалить. Что-то теплое шевелилось у него в груди: это были воспоминания – свежие, как неостывшие пирожки. Уют, тепло, вино, курево и податливые женские стати. Какое тут может быть зубоскальство! И Вадик сказал:

– Да ладно!

Но Лешка и не думал униматься.

– Брату-то расскажи, как было! Брат, можно сказать, для тебя договорился, одел, снарядил, а ты молчишь, как неродной.

– Да ладно тебе! – застеснялся Вадик, – ну, было...

– Вот! – воскликнул Лешка. – Хорошо было-то? Хороша Аделаида?

– Ну, хороша, – неохотно признался Вадик.

– «Ой, мамочки!» говорила? – поинтересовался Лешка.

– Что?! – Вадик прямо таки подавился дымом. – Да ты что, змей?! Ты тоже, что ли?

– А что, – весело закричал Лешка, – ты, что ли, один живешь на свете!

Вадик хотел было обидеться и уйти в себя со строгим видом. Но веселье Лешкино было так заразительно, что он не выдержал, сначала прыснул, а потом и засмеялся громко. Тут Лешка тоже засмеялся – еще громче. И они принялись дружно хохотать, два брата, два солдата, а теперь еще и «молочные братья», и Вадика вдруг пронзила мысль, что никого у него нет ближе Лешки на целом свете.

Так весело и доехали до завода «Пиво-воды». Сторож открыл ворота, пропустил цистерну охотно, даже взял шутливо под козырек.

– Здорово, Глебыч! – Крикнул Лешка и подрулил к неприметному подвальному люку. Люк был закрыт двумя деревянными створками, словно опрокинутое окно – ставнями. Лешка решительно откинул створки и, спрыгнув вниз, с неожиданной для его долговязой фигуры ловкостью, крикнул Вадику:

– Залазь на бочку, открути крышку, прими шланг!

В скором времени из недр подвала появился человек среднего роста, среднего возраста и средней внешности. На нем был немятый комбинезон зеленого цвета, из-под которого выглядывал нелинялый бежевый свитер с теплым высоким воротом, на руках – новенькие рабочие рукавицы, на голове – бейсболка под цвет комбинезона. Через люк ему подали шланг, конец которого он, в свою очередь, подал Вадику, и Вадик, сунув в горловину цистерны медный накопник, приготовился держать его так долго, как потребуется.

Потребовалось – долго. Руки затекли, но Вадик не сдавался и подмены не просил. У него вообще не было привычки сдаваться и просить подмены. Из цистерны поднимался одуряющий запах спирта.

Солнце между тем поднялось довольно высоко и припекало, не встречая сопротивления. Закрутив «барашки» на крышке горловины, Вадик спустился с бочки – совершенно пьяный. Хотелось даже не курить, а есть и спать. Когда они тронулись в путь, Лешка вынул из бардачка «тормозок»: хлеб, сало, соленые огурчики. И скомандовал: «Закуси!» Все у него было предусмотрено, у змея!

Вадик поел и задремал в теплой зилловской кабине – да что там «задремал»! – заснул крепким сном, обмякнув на сиденье и склонив большую голову на худое Лешкино плечо.

И ему ничего не снилось.

К таможене подъехали к вечеру. Стремительные южные сумерки окутали дорогу, и шлагбаум, и дом таможи, и домик пограничников. Уличное освещение долго не включали, медлили, и жизнь возле таможи протекала при свете автомобильных фар и карманных фонариков. У шлагбаума образовалась очередь – машин пятнадцать. Некоторые проскакивали быстро – минут за десять, с иными же разбирались подолгу:

Личный паспорт, путевой лист, техпаспорт транспортного средства, накладная на груз.

Лешка сказал тихо:

– Молодой, Харитоныча позови.

Парень кивнул и растаял в темноте. Лешка выпрыгнул из кабины, помахал руками, разминаясь, покурил на вольном воздухе. Через некоторое время появился пожилой таможенник, толстый, с обвислыми усами. Лешка, держа в левой руке документы, правую молниеносно сунул в карман и извлек оттуда нечто, завернутое в целлофан. Рука его там, внизу, ткнулась в руку Харитоныча и в то же мгновение оказалась свободной от предмета, так что можно было вынуть изо рта сигарету и стряхнуть пепел.

– Добро, – сказал Харитоныч, – ехай.

Шлагбаум послушно поднялся, и бензовоз покатил дальше в ночь.

– Ну ты даешь! – восхитился Вадик, – нуты даешь, змей!

– Учись, пока старики живы! – самодовольно усмехнулся Лешка.

Хорошо было рядом с Лешкой, надежно! С Лешкой, например, был связан светлый период жизни – период видеопроката. Видеокассеты только-только появились тогда на белый свет, и появились они, конечно же, на одесском Привозе. Личных же видеоманитофонов не было ни у кого не только в частном секторе, но и во всем городе Братство. Оснастившись, Лешка пошел в клуб, который, как и город, назывался «Братство», и взял в аренду репетиционную комнату, чтобы демонстрировать там желающим гражданам видеофильмы. Между прочим, в договоре, в графе «Цель аренды», Лешка указал: «Культурное обслуживание». Вот он и обслуживал граждан культурно, усадив их на жесткие казенные стулья, которые стаскивал из всех буквально помещений. И был у Лешки помощник, который расставлял стулья и «обилечивал» граждан посетителей репетиционной комнаты. Он как раз из армии вернулся, и у него были корочки киномеханика. Киномехаником в этом самом клубе «Братство» он и устроился. И как славно было! Вадика абсолютно все уважали: и добропорядочные зрители кинотеатра, и шепутные зрители видеосалона. Здоровались на улице! Причем не только знакомые, но и незнакомые тоже. А город Братство не такой уж маленький был. В нем много проживало совершенно не знакомых Вадика людей. И многие из них при встрече улыбались и говорили «здрасьте».

Лешка крутил видушку и по сельским клубам. В этих случаях Вадик внизу афишки делал приписку: «Порнушка. До 16...» После цифры 16 рисовал дорожный знак «остановка запрещена»: круг с красным ободком, перечеркнутый красным же крест накрест. Народ сельский приходил на зрелище дружно. Мужики сидели, насупившись, не переговариваясь, не глядя друг на друга, – переживали молча. Молодежь порой выкрикивала остроты по поводу происходящих на экране непристойностей, как бы показывая, что ей все нипочем, и на нее даже не цыкали. Комсомольские работники и милиционеры проходили бесплатно. Партийные же

секретари и председатели колхозов зрелище игнорировали. И когда менее ответственные товарищи пересказывали им увиденное, отпускали резко отрицательные реплики, но дослушивали все до конца. Кстати сказать, льготы работникам милиции сослужили свою службу. Сережа Григорян, старший сержант милиции, отозвал однажды Лешку в сторону и, раскуривая сигарету, сказал:

– Как другу, слушай, делаю намек. Тебя накрыть хотят за порнушку. Свет вырубят на подстанции и прилетят.

– Спасибо, друг! – Лешка пожал сержантскую руку, благодарно заглядывая в глаза.

– За что спасибо, слушай: – удивился Сережа Григорян. – Я ничего не говорил!

И укатил на служебном мотоцикле «ИЖ-750».

Капитан осветил его фонариком.

– Стой здесь, никуда не уходи, – строго приказал он. – Сейчас свет дадут – посмотрим, что за кино ты кажешь, Борисенко!

– Да куда ж я уйду, – широко улыбнулся Лешка и развел длинными руками: дескать, вот он я, весь перед вами, кушайте меня с маслом.

Толстый человек Блинов ушел между тем звонить по телефону, и свет в клубе и близлежащих хатах действительно скоро появился.

– Ну, включай! – распорядился капитан, не скрывая предвкушения скорой победы над тлетворной буржуазной порнографией.

– Есть включать! – по-военному отозвался Лешка и нажал на клавишу.

Надо сказать, что никакой такой особенной порнографии на экране не возникло. А возник большой приморский валун, а на валуне очаровательная девушка в летней маечке, поющая знакомую до слез песню:

Где-то на белом свете,
Там где всегда мороз,
Трутся спиной медведи
О земную ось...

Любимая миллионами кавказская пленница пела и танцевала твист на большом камне где-то возле Черного моря.

Что касается народа, населявшего маленький зал, то он в абсолютном большинстве не понял, что ему подменили кассету. Танцевала кавказская пленница достаточно эротично, так что народ принял эти кадры за очередной фрагмент наблюдаемой порнушки, которая в сценарной части была эклектична и непредсказуема. Вскоре публика вошла во вкус знаменитой комедии и, увлеченная игрой наших самых лучших артистов, мало-помалу забыла про обнаженные груди и томные вздохи. Претензий к «кинщику» у публики не возникло. Не возникло, как ни досадно, претензий и у капитана Оноприенко, он только вывел Лешку на улицу и спросил подозрительно:

– Не подменил кассету?

– Так видак же без тока не открывается!

– Вот именно, что не открывается, – задумчиво произнес капитан и уехал на «УАЗике».

Лешка посмотрел вслед машине. Ее заметно кренило влево: за рулем сидел толстый человек, младший сержант Вова Блинов.

Однако Лешка в скором времени бросил видеопрокат. Он понял, что его все равно рано или поздно обложат, поймают, все отберут, да еще и подведут под статью. Слишком это дело было денежным, чтобы набирающие силу группировки оставили его в покое – одного без какой бы то ни было «крыши». А под «крышу» Лешка не хотел. Он продал свой видик и потихоньку

занился контрабандой. Благо город Братство был расположен у самой границы с Брянской областью, то есть с Россией.

Вадик тогда очень расстроился и сказал Лешке: «Весь кайф поломал, змей», имея в виду свою собственную красивую жизнь при видеосалоне. Только и осталась в памяти о тех денечках золотая цепь на длинной жилистой Лешкиной шее – одна такая во всем частном секторе. Было бы и Вадику себе приобрести тогда – не на сто, конечно, десять граммов, как у Лешки, а хотя бы дутенькую, граммов на двадцать – все была бы вещественная память, не только словесная.

Вскоре Вадик уволился из клуба и устроился на работу в таможеню. Но, как уже было рассказано, ненадолго.

Тем временем автоцистерна миновала межтаможенную зону и пристроилась в очередь к следующему шлагбауму – уже российскому.

– Чего везешь? – строго спросил российский таможенник.

– Пустая, – лаконично ответил Лешка и нахмурился. Беда была в том, что это был не тот таможенник. Совершенно посторонний страж экономической границы вовсе не тот, с которым Лешка договаривался неделю назад.

Страж постучал по цистерне связкой ключей.

– Непохоже, что пустая.

Вадик свято верил в Лешку. Он верил в ум, реакцию, изворотливость и наглость своего старшего брата. Эти полезные качества еще ни разу не подводили его на извилистых дорогах перестроенных махинаций. Но тут Вадик оробел.

Вот она, цистерна, а вот он, таможенник – что тут придумаешь? Ничего. Ровным счетом ничего.

Лешка, конечно, тоже запаниковал. Но не окончательно. И когда таможенник спросил: «Ключи от верхнего люка есть?» – Лешка слегка приободрился. Он моментально уловил нежелание таможенника, чтобы ключи были: новенькая форма, молодые усики, стреляющий в ноздри парфюм, шикарная грива под фуражкой, отмытая и расчесанная, весь облик кричал о каких-то частных планах господина российского таможенника, не связанных непосредственно с немедленным исследованием подозрительной цистерны. И Лешка дерзко заявил:

– Нет у меня никаких ключей. Хочешь – открывай.

– Добро, – сказал таможенник, втискиваясь третьим в кабину. – Трогай!

– Куда? – поинтересовался Лешка.

– Давай потихоньку, покажу. Вот сюда заворачивай, – через некоторое время сказал таможенник, – туточки мы тебя и пристроим... Эй, отворяй! – Он высунулся из кабины перед старыми скрипучими воротами с ржавыми армейскими звездами на створках.

Заспанный сторож, не спеша, раскрыл ворота.

– Вот Александр Кузьмич, – сказал таможенник, выскакивая из кабины и отряхиваясь, – сторож автобазы.

Александр Кузьмич улыбнулся помятым лицом.

– Сейчас мы с тобой, Кузьмич, опломбируем крышку этой цистерны, а завтра комиссия осмотрит и составит акт.

С этими словами таможенник достал из кармана широких брюк тряпочку, в которую были завернуты пломбир, пломбы, проволоочки и небольшие плоскогубчики. И не поленился забраться вместе с Кузьмичом на цистерну.

Через двадцать минут все было кончено. Криминальный автомобиль водворен на открытую стоянку. Таможенник удалился, торопливо отряхиваясь, а Александр Кузьмич затянулся подстреленной у Лешки сигаретой. Лешка, впрочем, тоже закурил и с рассеянным видом поглядывал вокруг, будто происходящее его не трогало. Вадик же мысленно готовился к худшему, прикидывая, в какой роли он в ближайшее время окажется: свидетеля или соучастника таможенного преступления. Лешка между тем присел по-южному обычаю на корточки и стал в

таком положении смолить и разглядывать окуроч. Сторож Александр Кузьмич тоже для компании к нему присоединился. И так они оба сидели под брюхом цистерны и внимательно курили – уже по второй, между прочим, сигарете. Надо заметить, что если внимательно курить, глядя в одну точку, то можно до чего-нибудь интересного доглядеться и до чего-нибудь полезного додуматься. Например, доглядеться до того, что под брюхом цистерны имеется настоящий эллипсообразный сливной лючок на восьми болтах, и додуматься до того, что он-то как раз и не опломбирован и, значит, может быть вскрыт без юридических последствий.

– Лопату, топор, кирку, ломик, что там у тебя еще имеется! – распорядился Лешка.

– Слушаюсь! – словно бравый ефрейтор, рявкнул сторож. Чутье бывалого солдата подсказывало ему, что пахнет серьезной выпивкой. Через минуту он приволок к месту действия весь пожарный инвентарь. Копали и долбили долго. Спрятать в еще не прогретую землю цистерну спирта было делом нешуточным.

Опустим подробности дренажных работ и предьявим утомленному таможенной рутинной читателю уникальную, строго говоря, картину. Крупным планом – недооткрученная до конца крышка сливного люка, а общим планом – неподвижная автоцистерна, которая хлещет в несколько струй спиртом, напоминая гигантскую корову, справляющую малую нужду. Особо выделим давно переполненные невеликие емкости: суповую кастрюлю, солдатский чайник и конусное пожарное ведро, – да фигуру плачущего сторожа Александра Кузьмича, который ни разу не испытывал подобного потрясения в своей некороткой жизни, учитывая даже перестройку и смену государственного флага.

За слитый спирт Лешка расплатился золотой цепью, и Вадику грустно было смотреть на его крепкую шею, не отчеркнутую благородным металлом. Тем более что от цепочки осталась размытая белая полоска.

Весна, однако, разгоралась быстро, солнце все сильнее припекало, легко проходя сквозь негустые облака, и белая полоска заштриховалась легким загаром, и шея, слава Богу, стала плавно соединяться с торсом без наводящей на дурные мысли разделительной линии.

За отсутствием бизнеса братья помогали родителям по хозяйству: вырыть, прибить, починить, провести свет, а то и покормить скотину. Кой-какая худоба водилась в доме Борисенко: жить в частном секторе и не держать хозяйства – такое и в голову не приходило, будь ты хоть почтальон, хоть врач, хоть кто угодно. Зарплаты и пенсии были малы и выдавались нерегулярно, так что именно приусадебное хозяйство являлось смыслом жизни и деятельности населения частного сектора. В особенности – в переходной период перестройки одной жизни в другую. И хоть в углу двора Борисенко стоял крепко сбитый сарай-мастерская со смотровой ямой, что говорило об индустриальном, в сущности, направлении, в другом углу, в прилепленных к дому холодных сенях топтался конь Серко и жевал свою бесконечную жвачку. У Серко были доверительные отношения с отцом семейства. Конь и человек понимали друг друга, как, казалось, могли бы понимать друг друга только два человека или две лошади. Если, например, ночью Серко охватывала жажда, он бил копытом в стенку, и отец вставал безропотно, будь то ночь-заполночь, погода-непогода, и, громыхая ведром, шлепал в сапогах на босу ногу к водонапорной колонке. Серко же в свою очередь покорно выслушивал хозяина, когда тот по пьяному делу жаловался ему на несуразности жизни. Иногда отец, расчувствовавшись, целовал коня в мягкие черные губы, и Серко не отворачивал морды, хоть и не любил запаха перегара. Домой с любого места Серко вез отца всегда самостоятельно – вожжи здесь были не нужны. Причем если отец был весел, Серко тоже шагал весело, иногда переходя на легкий бег и радостно пофыркивая. Если же отец пребывал в печали, конь чувствовал его настроение, тащил телегу бережно, ровным ходом, не шарахаясь от внезапных шумов в виде, например, пролетающего мимо разбитого на сельских ухабах мотоцикла.

По характеру Серко был трудолюбив и весел. Серый, неказистый, с мощно развитой грудью, он веселился от работы и, казалось, не знал усталости. Пахать, правда, ему не приходи-

лось – не та все-таки на дворе стояла эпоха, но возить случалось помногу, и его это ничуть не удручало. На выпасе любил побегать, отвлекаясь от основного занятия, а будучи стреноженным, смешно прыгал, изображая что-то вроде комического галопа. Например, когда приходил за ним хозяин и тихонько подзывал, протягивая щедро посыпанный солью хлеб, Серко приближался к нему именно такими смешными скачками...

Вадик, когда размышлял изредка о себе, всегда удивлялся, до чего же они с Серко похожи: оба оптимисты, подвижные, трудолюбивые, без затей. Вообще-то Вадик давно заметил, что любой человек похож на какое-нибудь животное: он, допустим, – на коня, Лешка – на гуся (гуся тоже были в хозяйстве), Аделаида... Вадику не хотелось обижать в своих мыслях Аделаиду, но перед самим собой лукавить не приходилось. Аделаида была похожа на корову. Произнеся мысленно это сравнение, Вадик мысленно же добавлял: «...на корову в хорошем смысле слова». Нечто теплое, парное, с огромными печальными глазами...

А Манька была похожа на козу. На козу? Нет, на козочку, пока еще на козочку – радостное и нахальное существо. Тем более что любую козу в округе звали Маней: «Маня-Маня-Маня!»

Манька явилась во двор Борисенко с двумя сообщениями: во-первых, она сдала математику на пять. Во-вторых, толстый человек, младший сержант милиции Вова Блинов купил машину «Жигули ВАЗ-2106», проще говоря – «шестерку». Это последнее сообщение было развернутым. «Шестерка» – скорей старая, чем новая. К тому же – битая. У нее выбита фара, смято крыло и не открывается водительская дверь. А главное – не заводится двигатель.

– А в остальном, – заявила Манька, поблескивая глазами, – машина неплохая, руль работает. И Вова спрашивает, возьмется ли Лешка починить транспортное средство.

Вадик смотрел на Маньку, и его переполняли смешанные чувства: ему казалось, что с каждым сданным экзаменом Манька становилась взрослей и привлекательней. И как-то неловко было оттого, что Манька приходилась дочерью не кому-нибудь, а Аделаиде. Аделаида при случайных встречах приветливо улыбалась и намекала на перегоревшие пробки, но Вадик намеков как бы и не понимал, отделялся общими шутками, на его собственный взгляд, остроумными. Но было ему немного все-таки совестно перед Аделаидой, и продолжалось это до одного случая. А случай был вот какой. В быстро сгущающихся сумерках недалеко от дома Аделаиды Вадик встретил однажды не кого-нибудь, а толстого человека, младшего сержанта Блинова. Он был в штатском, двигался целеустремленно, оттопырив нижнюю губу и неся в руке измятый букет васильков. Вадик окликнул его и простодушно спросил: «Куда?»

– Так, в одно место, – уклончиво ответил толстый человек, идущий напрямиком к дому Аделаиды. Тут уж Вадик кое-что смекнул и вздохнул облегченно.

Насмотревшись на Маньку, Вадик взглянул на Лешку и увидел, что Лешка приосанился, оживился и разулыбался, блестя фиксой. И Вадик подумал, что Лешка радуется подвернувшейся солидной халтуре. Вадик тоже обрадовался, потому что кто же у Лешки будет подручным? – Вадик. И кое-какая копеечка ему тоже достанется.

– Пошли, – сказала Манька, – притараним тачку. Тут недалеко.

Через некоторое время на дороге, изредка напоминавшей о том, что когда-то она была асфальтированной, появился битый автомобиль. Он медленно, но верно двигался вперед. Перед автомобилем с буксировочной лямкой, перекинутой через плечо, двигался его хозяин – толстый человек Вова Блинов. Он тащил свою собственность, подавшись вперед, наподобие бурлака со всемирно известной картины. Его необъятное туловище обтягивала шикарная майка фирмы «Адидас», с глубокими вырезами и белой пижонской каймой. Плоть в вырезках кипела потом. Труссы той же фирмы съехали под живот и не придавали фигуре изящества. Сзади машину толкали братья Борисенко. Рулила же Манька, очень довольная своим положением. Как-никак, она сидела на мягком сиденье, а трое мужиков катили ее, как какую-нибудь принцессу. Такая у нее получилась премия за пятерку по математике.

– Но, милай! – раздалось сзади, и мимо процессии прогромыхала телега, груженная мешками с семенной картошкой. Отец Борисенко сидел посреди телеги, свесив ноги в кирзовых сапогах и облокотившись на мешок, как на подлокотник кресла. Он озорно помахал рукой, а Серко радостно заржал, поднял хвост и лупанул круглыми рыхлыми яблоками, как из гранатомета.

– Во дает! – Не без досады заметил Вова Блинов.

– Не тужи! – откликнулся Лешка. – Сделаем твою тачку – будет резвее любого коня!

Сколько Вадик работал у Лешки на подхвате, столько удивлялся Лешкиному уму. Лешка, во-первых, знал досконально, где и что расположено, как и к чему крепится, какие болты-гайки, и, во-вторых, ясно понимал, что и как работает. Что от чего зависит.

– Профессор! – восхищался Вадик.

– Да, что касается «классики», я – вроде профессора, – скромно соглашался Лешка. Под «классикой» подразумевались модификации «Жигулей» – с первой по седьмую.

Работали братья с азартом, не считаясь со временем. Только спали ночью. Все остальное время работали: разбирали, растачивали, рихтовали, красили, прочищали, ставили новые ремкомплекты. Дело спорилось и потому веселило. Особенно Вадика. И когда Вадик изредка выходил покурить вечерком на улицу, он держался солидно, как мастеровой человек при деле, и на редкие вопросы редких прохожих отвечал степенно и задумчиво.

Как-то после очередного Лешкиного технического подвига, связанного с оживлением мертвого карбюратора, Вадик сказал:

– Леш, у тебя же золотые руки!

– Вроде того, – не стал отпираться Лешка.

– Ну и открыл бы автосервис поближе к центру, на кой тебе эта контрабанда?!

– Нет, – сказал Лешка, вытирая руки ветошью, смоченной соляжкой. – Скучно.

– Скучно? – удивился Вадик. – Ведь ты же можешь.

– Могу, – согласился Лешка, – но скучно. Да и денег мало.

– Мало? – удивился Вадик. – За одну машину вон...

– Это не деньги, – перебил его Лешка.

Вечерело. Быстро завязывалась темнота. Они сидели во дворе на скамеечке, попыхивая сигаретами. Вдруг Лешка приобнял Вадика, как бывало в детстве, развернул его к себе и сказал уверенно:

– Это не деньги. Настоящих денег никакая практическая работа не даст. Настоящие деньги даст только бизнес.

– Какой бизнес? – поинтересовался Вадик.

– Любой, – отозвался Лешка, – если только его обмозговать. – Лешка бросил окурок в ведро с водой и подытожил:

– В Москву надо перебираться мне, Вадик. Закисну я здесь.

– А я? – испугался Вадик.

– Не все сразу, – задумчиво произнес Лешка. – Не все сразу.

Глядя на толстого человека Вову Блинова, трудно было угадать в нем страстную натуру. На самом же деле Вова был человеком страстным. Однако не следует думать, что это относилось сплошь к области любовной. Впрочем, в грешных делах Вова тоже не знал удержу. Если он на кого «западал», как говорили в частном секторе, так уж не успокаивался, покуда своего не добивался. Жена его Инна знала: если Вова молчит все время, оттопырив нижнюю губу, значит, все, «запал», и в круглой коротко стриженной голове его ворочается одна-единственная мысль: о конкретной супружеской измене. И ее женской хитрости не хватало, чтобы выдать из Вовы эту вредную мысль и заменить ее другой, полезной. С не меньшей страстностью Вова «вываривал» в своем стриженном котелке и редкие, но глобальные идеи, касающиеся не любовных, а деловых сторон жизни. Так, однажды он промолчал весь выходной, ходил, отто-

пырив губу, по комнате, не отвечая ни на какие вопросы. Но в глазах его не было блуда, и Инна поняла, что на сей раз дело не в бабах.

– Я хочу иметь деньги, – изрек он к вечеру.

– Не бабы, так бабки, – усмехнулась Инна, средняя женщина, средних размеров, со средним, в меру уступчивым характером.

Толстый человек Вова Блинов не любил жаргона. Зачем, думал он, употреблять какие-то дополнительные слова, когда есть основные, простые и понятные.

Вова мотнул упрямой головой наподобие быка, отгоняющего муху, и повторил вразумительно:

– Я хочу иметь деньги. Большие деньги.

Они сидели в это время дома, пили чай. Вова отхлебнул горячего и сказал, помолчав:

– Ты – вот что. Бери за свой счет, съездим в Москву, навестим твою сестру.

– Надолго ли?

– Не знаю. Может, на день. Без ночевки. Обрато – ночным.

– Так зачем за свой счет тогда брать? В субботу съездим, да и все.

– Ну не бери, – равнодушно отозвался Вова. – Давай готовь гостинцы: сало, там, варенье.

– Да у них все есть, – удивилась Инна. Вова посмотрел на нее задумчиво.

– Готовь, готовь. Кровяной колбаски. Прикупи чего надо, не скупись. В пятницу ночным и поедем.

Давид был служащим московского «Гамма-банка», учреждения солидного и преуспевающего. Больше того – он держал пакет акций этого банка. Пакет небольшой, но все-таки...

Три года назад он отдыхал в крымском городе Гурзуфе, на чистом и благоустроенном пляже военного санатория. В некогда не доступном для гражданских людей заведении в тот год отдыхало мало военных. Очень мало. Номера заполняли «новые русские» – энергичные люди, сделавшие первые деньги в перестроечной неразберихе. Они приезжали на курорт сами по себе и покупали путевки в приглянувшихся санаториях. Цены для таких стихийных отдыхающих устанавливались немалые, но это их не смущало. Вот таким приезжим был и Давид Москвин, получивший отпуск после непрерывных трехлетних трудов по обогащению родного банка и лично себя как неотъемлемой его частицы.

Давид был человеком быстрых реакций, быстрой речи и быстрых движений. Он не пил спиртного и не курил. На волейбольной площадке Давид выглядел вполне прилично. В нападении, правда, был не грозен – из-за небольшого роста, зато в защите – резок и изобретателен. Порой в моментальном броске вытаскивал «мертвые» мячи, и ему тихонько хлопали – и свои, и противник, как это было принято в санаторном волейболе.

А еще Давид был анекдотчиком. Нет, он не культивировал в себе это свойство и не заносил анекдоты в записную книжку. Просто он их не забывал. Он не думал о них, не повторял про себя, но память то и дело подсовывала анекдотец, подходящий к случаю. Рассказывал он здорово, что удается не каждому. Ведь рассказать анекдот – это сыграть миниатюрный спектакль, где ты и артист, и режиссер, и немного соавтор.

Давид был запоздало холост. Он жил один в двухкомнатной квартире возле станции метро «Водный стадион» и время от времени совершал пробежки по парку: хвойный воздух, тренировка тела, потом контрастный душ дома. В квартире он весело убирался под музыку, чаще – джазовую, иногда готовил себе и первое, и второе – он хорошо умел готовить. В общем, был в тридцать два года веселым и самодостаточным человеком.

Вел ли Давид личную жизнь? Вел, как не вести? Но, во-первых, дорожа свободой, не допускал, чтобы дело доходило до сильной привязанности, во-вторых, приводил гостью в свое жилище только изредка, предпочитая вести бои на чужой территории. Тем более никогда не давал ключ женатым донжуанам. Говорил, шутливо копируя немецкий акцент:

– Доннер веттер! Мой дом не есть бардак!

Он действительно любил свою квартиру, ее уют, ее музыку, которая, казалось, тихо звучала даже при выключенном музыкальном центре. Любил привычную с детства мебель, особенно – широкую книжную секцию и портрет рано умершей мамы над письменным столом.

На пляже Давид появлялся с шахматной доской и шахматными часами. Утвердив на гальке дощатый топчан без ножек и сложив на него одежду, он принимался расхаживать по пляжу, демонстрируя ловкое тело, новенькие импортные плавки и шахматный инвентарь. Не спеша фланировал между распластанными телами, бросая рассеянные взгляды то на привлекательный морской пейзаж, то на не менее привлекательных женщин в очень экономных купальниках, до тех пор пока кто-нибудь не окликал его мимолетным предметом сразиться в шахматы. Играл Давид здорово.

Часто ему удавались блиц-пятиминутки, потому что природа, как было упомянуто, наградила его быстрым умом.

Однажды его окликнула девушка:

Молодой человек, не согласитесь ли сыграть со мной? Я, правда, игрок неважный...

Но Давид уже расставлял шахматы на топчане незнакомки.

Она была смугла и худошава, роста выше среднего, чуть раскосая, чуть скуластая.

– Вы – азиатка? – аккуратно спросил Давид.

– Нет, – рассмеялась девушка, – я – чистый хохол. А вы?

– Я? У меня папа русский, а мама – медицинский работник, – выдал Давид заезженную шутку. – А зовут меня Давид. В какой руке? Ваши белые.

– Я – Эмма, – улыбнулась девушка и сделала первый ход. Играла она неплохо. Совсем неплохо. Она не только начала непростой королевский гамбит, но, как оказалось, знала его продолжение и ходов восемь шпарила, как по учебнику.

«Какая интересная», – подумал Давид об Эмме и сам не смог бы точно ответить, что имел в виду: внешний вид или внутреннее содержание. Зависая над доской и меняя время от времени положение, девушка невольно демонстрировала себя, и Давид с удовольствием разглядывал грациозную шею, неширокие, почти детские плечи, небольшую красивую грудь, едва прикрытую купальником. Ему захотелось ее рассмешить.

– Хотите старый анекдот? Значит, так, – сказал он и посмотрел на море. – Судно наскочило на мину. Кораблекрушение. Люди посыпались с палубы, как горох, и плавают, ожидая помощи. Большой спасательный катер подплывает то к одному утопающему, то к другому, и здоровяк-боцман вытаскивает каждого за волосы. Подплыли к одному, а он лысый. Боцман в горячке орет: «Идиот, нашел время шутить! Поворачивайся головой!»

Она смеялась, обнажая добела отчищенные зубы, один зуб, верхний третий от середины, рос неровно, выдавался вперед, и она привычно закрывала его ладошкой.

Давиду – нравилось. Кто знает, может быть, все вместе, вся эта картинка: шахматы и смеющаяся женщина на фоне Черного моря, и приятность от нежаркого еще утреннего солнца – все это вместе взятое толкнулось в его не занятое в настоящий момент сердце и осталось там надолго. Ведь неведомо, как возникает робкое чувство, которое разрастаясь, превращается в могучую тягу, поройдвигающую судьбы не только людей, но и целых организаций, а иногда и народов. Одним словом, портрет женщины с шахматами на фоне моря запал Давиду в душу и остался там, поселился, не собираясь исчезать. Вот ведь как!

– Ваш ход! – сказал Давид.

– Я должна подумать, – ответила Эмма. – Я, когда смеюсь, не думаю. Теперь я уже посмеялась...

Тут речь ее стала бессвязной и, прямо скажем, бессмысленной. Она все повторяла: «посмеялась... посмеялась», но слово это потеряло свое значение. Она повторила его раз, наверное, тридцать. Потом сказала твердо, как припечатала: «Посмеялась!» И сходила конем.

Но силы были все-таки неравными. И когда до мата белым оставалось ровно четыре хода, Давид сказал быстро:

– Предлагаю ничью. Ничья, ничья. – Он смахнул с доски фигуры. – Поплаваем?

Они заплыли за буйки и там поцеловались. Придумал это Давид. Они вытянулись в одну линию головами друг к другу, чуть подгребая под себя руками, как фигурные пловчихи, и, подняв головы, поцеловались. По замыслу-то поцелуй должен был быть символическим, как, скажем, в балете, но губы сомкнулись и не желали размыкаться, линия сломалась, и молодые люди ушли под воду, обнявшись. Потом они оттолкнулись друг от друга и, вынырнув, поплыли к берегу. Эмма была смущена и молчала. Давид первым выбрался на берег, подал девушке руку и, чтобы разрядить обстановку, сказал:

– Помните, как у Горького начинается рассказ «Мальва»? Море – смеялось.

Эмма посмотрела на него внимательно, потом подошла к топчану, достала спрятанный в одежде фотоаппарат и, поставив нового знакомого у самого уреза воды, навела на него объектив. Сделав снимок, сказала:

– Помните, у Хемингуэя называется рассказ: «Давид и море»?

Здесь уместно прервать повествование, ибо описание развития курортного романа может показаться банальным, а стало быть, скучным, или того хуже: может вызвать постыдное любопытство подглядывающего в замочную скважину. Что же касается декораций, в которых Эмма и Давид узнавали лучшие стороны друг друга, как-то: домик Чехова в Гурзуфе, дендрарий в Ботаническом саду, Бахчисарайский фонтан, Афонские пещеры, то их описание легко найти в любом путеводителе по Крыму. Писателю же стыдно повторяться. А насчет развития отношений одно можно сказать: раз уж герои заговорили цитатами, то позволительно и нам процитировать, скажем, лаконичного поэта Владимира Вишневецкого:

«Они друг другом не пренебрегали!»

Шучу-шучу. А почему бы и не пошутить под крымским солнышком? Серьезного-то еще будет – о-го-го! Рынок, бизнес, кредиты, инвестиции...

А пока что – одни шутки, одни робкие ласки, одна безмятежность.

Ведь море действительно смеялось!

Снежным декабрьским днем 1990 года Леонид Петрович Егоров ехал в троллейбусе по прямому до утомительности Дмитровскому шоссе. Он внимательно считал остановки, загибая пальцы. Леонид Петрович прожил в Москве менее года. Города не знал и боялся проехать место назначения. Он ехал, вглядываясь в невеселый городской пейзаж, и сжимал подмышкой плоскую папку искусственной кожи с поблекшим золотым тиснением: «Участнику совещания писателей, пишущих на темы о жизни пограничников».

Было. Было такое совещание, и проходило оно в Латвии, в доме творчества писателей «Дубулты». Всех участников обеспечили тогда отдельными номерами с удобствами и поставили на курортное котловое довольствие. Леонид Петрович ни при какой погоде не описывал пограничников, но эстонская писательская организация послала именно его, потому что никто из писателей-эстонцев ехать не пожелал, а Леонид Петрович согласился. Тем более что в прошлом он был морским офицером. Считалось, что это где-то близко... После не оставшихся в памяти докладов был устроен шикарный прием, который как раз в памяти и остался. Впрочем, все это позади, в прошлой жизни, в другом месте и в другом времени. Можно даже сказать, что за кормой у Леонида Петровича осталось две жизни: первая – военно-морская служба и первый брак, вторая – какая-никакая литературная карьера и второй брак. Это – было. А что будет? Будет девятая остановка, на которой он сойдет и отправится в дом пионеров на встречу с учащимися пятых, sixth и седьмых классов.

По стране металась перестройка. Но Советский Союз еще не распался, и Бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей пока еще функционировало, поддерживая творцов материально. По крайней мере в Москве. Самое смешное, что сойти на девя-

той остановке не получилось. Он не прозевал ее, нет, и двинулся, было выйти, но на его пути у самых дверей стояла внушительных размеров дама, которая, казалось, тоже готовилась к высадке, а на самом деле выходить не собиралась. Оттолкнуть ее или хотя бы мягко, но решительно отодвинуть рукой Леонид Петрович положительно не мог. Тридцать лет в спокойной и элегантной Эстонии очертили в его сознании рамки, за которые заходить нельзя. Он сам не выносил, когда в броуновском движении толпы кто-нибудь отодвигал его, как предмет, не позволял подобного и себе. И пока строил фразу, что-то начинающееся с извинения, транспортное средство подкатило к тротуару, и двери отворились. Дама запоздало отодвинулась, Леонид Петрович попытался выйти, уже и ногу занес над ступенькой, но был бесцеремонно смят и отброшен назад хлынувшей с остановки толпой. Двери закрылись – троллейбус тронулся. Потом пришлось обратно трусить рысцой, чтобы не опоздать к часу, указанному в путевке. Что поделать – Леонид Петрович в Москве жил недавно и воистину города не знал.

У дверей Дома пионеров его встретили и отвели в читальный зал. Ребят привели много – не менее пяти классов. Они сидели на стульях, на столах и даже на подоконниках. Учителя оглядывали их, как командиры свое войско перед сражением. В общем и целом народ вел себя дисциплинированно, хоть и видно было, что томился в ожидании.

Леонид Петрович был уверен, что через минуту завладеет вниманием школьников. Он умел выступать и любил это дело, потому что был нескучным писателем и нескучным человеком. И – любил аудиторию. Вот и сейчас он всматривался в лица школьников, и они ему нравились.

– Ребята, – представился Леонид Петрович. – Меня зовут Леонид Петрович Егоров. Я – писатель. Я пишу рассказы и стихи. Поговорим сначала о стихах. Я сочиняю их часто на ходу, для этого нужны две вещи: образ и чувство ритма. Образ – это дело такое: зависит от человека, от его впечатлительности и таланта, а чувство ритма есть практически у каждого. Вот сейчас мы это проверим. У меня есть одно детское стихотворение. Я сам про себя произношу его в очень четком ритме. В таком же четком ритме я буду его читать. И всякий раз, когда я сделаю паузу, вы будете отбивать ритм ногами: раз, два, три, четыре – четыре раза. Начали?

– Начали, – нестройно ответила аудитория.

Леонид Петрович отбил четыре такта ногой и принялся за дело:

На тротуаре возле бани (раз, два, три, четыре)
Играл баран на барабане (раз, два, три, четыре).
Играл баран на барабане, (раз, два, три, четыре),
Висевшем на боку. (раз, два, три, четыре).
На старой вывеске «Аптека» (раз, два, три, четыре)
Сидел товарищ Кукарека (раз, два, три, четыре)...

Грохот стоял невероятный. Народ оживился, учителя не знали сначала, как реагировать: положительно или отрицательно. Но авторитет члена Союза писателей был в то время еще высок, и учительницы заулыбались, а некоторые стали даже тихонько – раз, два, три, четыре – подстукивать ногами. А Леонид Петрович продолжал:

– Сидел товарищ Кукарека (раз, два, три, четыре) И пел...

Он протянул руки, приглашая школьников продолжить строчку.

– Ку-ка-ре-ку! – нестройно закричали школьники. – Ку-ка-ре-ку!

Кто-то не растерялся, приложил ко рту сложенные ладони и прокукарекал по-петушиному. Народ смеялся.

Но Леонид Петрович не отпускал вожжи, продолжал направлять освобожденную энергию в русло четырех тактов.

А воробей купался в луже, (раз, два, три, четыре)
К тому же прыгал неуклюже, (раз, два, три, четыре)
К тому же прыгал неуклюже, (раз, два, три, четыре),
Одoleвая страх. (раз, два, три, четыре).

После этих строк Леонид Петрович сделал, как дирижер, утишающий жест, и народ стал топтать все тише и тише. Когда легли большие тени...

И последние строчки он прочитал уже в полной тишине:

Все увидели что олени...
Что солнце круглое олени
Пронесут на рогах...

Контраст между бездумной ритмикой и романтическим образом, вдруг возникшим в наступившей тишине, произвел на школьников большое впечатление, и они хлопали Леониду Петровичу совершенно искренне и – смеясь. А Леонид Петрович аплодировал им. И было единение.

– Когда я понял, что окончательно влюбился, – сказал Леонид Петрович, постепенно переставая хлопать, но продолжая улыбаться. Школьники притихли, а Леонид Петрович продолжал: – Когда я понял, что окончательно любился в Катьку-мотогонщицу, начиналась весна и заканчивалась третья четверть...

Так начинался один из его рассказов – он знал его наизусть. Он вообще знал наизусть несколько своих рассказов – более десятка, и на выступлениях всегда читал только их, не выпуская из поля зрения аудиторию. Реакция аудитории подсказывала, какой где применить прием: где – паузу, где возвысить голос, где – понизить.

Рассказ этот был Леонидом Петровичем обкатан неоднократно, и он точно знал, где публика засмеется, а где притихнет и задумается. Например, все всегда смеялись в первый раз вот в этом месте: «И тогда мой товарищ Генрих сказал мне: “А ты сходи с ней в ресторан”. Я покраснел от волнения и спросил: “А зачем?”»

И вот в этом: «У меня были часы, которые мне не разрешали носить в школу, потому что своим громким тиканьем они мешали вести урок». И дальше: «У Генриха был велосипед, который древностью происхождения мог свободно потягаться с моими часами. Достоинство его заключалось в том, что он был выкрашен небесно-голубой эмалью, а недостаток – в том, что у него отсутствовало переднее колесо. Однажды Генрих дал его покататься одному отважному человеку и получил обратно в таком неполном виде».

И два момента из сцены в ресторане. Первый: «“Это хорошее вино”, – сказала Катя. Я не стал спорить, хотя мне лично больше понравился салат». И второй: «Я был плохим танцором, но старательным. Я так старался, что один раз даже наступил сам себе на ногу...» И податливые московские школьники дружно смеялись, и притихли, когда Леонид Петрович прочитал завершающую фразу: «Да. Горьким было вино моего первого ресторанного вечера. И все-таки... какая все-таки прелесть в танцующей женщине, даже если она танцует в далеком тупичке нашей памяти».

Под конец своего выступления Леонид Петрович, уже размягченный теплым приемом, сказал:

– Ну, расскажите теперь вы мне, каких писателей любите.

– Вас любим, – не растерялись школьники.

– Да нет, – отмахнулся скромный Леонид Петрович. – Я о другом спрашиваю: кто, например, любит Пушкина, кто – Лермонтова, кто, скажем, – Майна Рида, а кто – Марка Твена.

Одна девочка подняла руку и бойко доложила:

– А Пушкина и Лермонтова мы только в восьмом классе будем проходить.

Съели.

– Ну ладно, – вздохнул Леонид Петрович, – давайте зайдем с другой стороны. Кто написал «Ромео и Джульетту»? Слыхали о Ромео и Джульетте?

– Слыхали! – слышались голоса. – Они, это самое, любили, а ихние родители, ну, как его, были против.

– А кто написал?

Учителя смущенно поглядывали то на писателя, то на своих учеников. Тогда Леонид Петрович предпринял очень сомнительный с точки зрения педагогики шаг. Он достал из бумажника рубль, поднял его высоко и заявил, улыбаясь:

– «Три мушкетера». Кто первый назовет автора «Трех мушкетеров», тот получит рубль. (Уместно напомнить, что вход в метро стоил тогда пять копеек.)

– Ну! – подзадоривал он ребят. Считаю до трех и прячу рубль в бумажник. Раз... два...

– Не прячьте, не прячьте! – вдруг закричала одна девочка, ерзая на стуле и поднимая руку. – Сейчас вспомню! Вспомнила! Это – Боярский.

Вот оно как.

Ну что ж, Леонид Петрович не стал укорять детей за невежество, а рассказал им вкратце и о Дюма, и о Шекспире.

Выступление задержалось, но никто не следил за временем: ни дети, ни их наставники, ни сам Леонид Петрович. Провожали его тепло. В путевке написали массу комплиментов. Ему всегда писали в путевках благодарности, где бы он ни выступал: в школах, пионерских лагерях, зимних домах отдыха перед пенсионерами. Он не отказывался ни от чего, и с любой публикой умел найти общий язык. Поэтому бюро охотно выписывало ему путевки и педантично оплачивало их – по семнадцать восемьдесят за выступление. Худо-бедно, а под двести в месяц набегало. Это, собственно, и был его заработок в Москве. Свою военную пенсию он аккуратно высылал в Таллинн – прежней семье.

Толстый человек Вова Блинов сидел на кухне, на мягком, обитом кожей угловом диванчике и слушал анекдоты. На дворе стоял жаркий август, окно было распахнуто, и он с разрешения хозяина курил, пуская дым на улицу. А хозяин квартиры как раз и рассказывал анекдоты, порой подливая Вове коньячка, а женщинам – вина.

– А вот старый анекдот, – говорил он, смеясь глазами. – Значит, так. Едут в купе молодая леди, пожилая леди, чех и немец. Поезд зашел в тупик, стало темно, раздался звук поцелуя и звук пощечины. Теперь главное: что каждый из них подумал. Молодая леди подумала: «Почему он поцеловал ее, а не меня? Я же моложе и привлекательнее...» Пожилая леди подумала: «Молодец девочка, умеет за себя постоять!» Немец подумал: «Черт возьми! Чех поцеловал, а я получил пощечину!» А чех подумал: «Ай да я! Поцеловал себе руку, дал немцу по морде и вышел сухим из воды!»

Женщины охнули и зашлись смехом. Эмма изумилась:

– Ты мне этого не рассказывал!

– Я много чего тебе не рассказывал, – посмеиваясь, отвечал ее муж. – Ты со мной три года. А у меня запасов лет на двадцать!

Вове было не смешно. Он, конечно, за компанию как-то отреагировал: изобразил на лице подобие улыбки и выдал скупое «гы-гы». Но абсолютно безрадостно. Между тем неправильно было бы заподозрить его в негибкости ума и неспособности понять шутку. Да понимал он, понимал, в чем тут юмор, и картинку эту карикатурную представил со всей живостью. Но ему было не до смеха. Он ведь, строго говоря, приехал сюда за пятьсот верст не анекдоты слушать, а совсем наоборот – поговорить о возможностях переезда в Москву. Но гостевание подходило к концу, а вырлиться на нужную тему все никак не получалось.

Тут хозяин застолья, словно угадав Вовины терзания, налил всем по последней. Ско-ренько произнес незначительный тост и спровадил женщин в комнаты, сказав:

– Эммочка, покажи сестре наши крымские фотографии...

Вот оно что! – смекнет догадливый читатель. – Так это, стало быть, Давид, тот самый, что играл в шахматы на Гурзуфском пляже! А его недавняя жена как раз и есть свояченица толстого человека Вовы Блинова!

Догадливый читатель может оказаться и привередливым: «Что это все персонажи, в кого ни ткни, все поголовно – из одного и того же захолустья!» Тут позволительно поспорить и, если хотите, оправдаться. Во-первых, не все. Многие, спору нет. Но не все. Во-вторых, автор не ездил за ними туда, в частный сектор города Братство. Они сами, сами поприбывали в Москву и повстречались автору на его нелегком пути. Но и тягу эту из периферии в центр осуждать не следует. В эпоху перемен особенно явственно проступает неравенство возможностей для человека в центре и человека в удалении. Возможности эти уменьшаются прямо пропорционально расстоянию от центральной точки, в нашем случае – от Красной площади. Менее энергичные мирятся с тем, что есть, следуя пословице: «Где родился, там и содился». А те, в ком клокочет чувство неудовлетворенности, отрываются от родимой печки и устремляются в столицу, подгоняемые ветром нетерпения. А там уж – кому как пофартит и кто за что уцепится. И они прибывают в вожделенный город, расторопные, лишенные вялости и лени, и пробивают своим упорством стену отчуждения, пренебрежения, порой и презрения, которая вырастает на их пути. Пробивают... кому удастся. И тут уж, пробив и достигнув, они опережают конкурентов – коренных и потомственных жителей столицы, не привыкших так отчаянно бороться. Вспомним так любимого автором д'Артаньяна (Дюма, Дюма написал «Трех мушкетеров», Дюма-отец, отнюдь не Михаил Боярский!) Да, вспомним в связи с этими рассуждениями пламенного гасконца, покоровшего Париж! Вспомним и великого сказочника Ганса Христиана Андерсена, пришедшего в Копенгаген с острова Оденсе пешком, с рыбным обозом. Да и наш Михаил Васильевич не в столицах родился и тоже пешком притопал из Архангельской глубинки. А переберите новых бизнесменов низшего звена и средней руки: кто с Украины прорвался, кто – из Белоруссии, кто, например, из города Ангарска Иркутской области, кто из Прибалтики. Но больше всего все-таки с Украины. Стало быть, не стоит пенять за это автору – он только отражает в меру своих способностей жизненную тенденцию.

Однако погоним же дальше медлительный сюжет.

Итак, когда мужчины остались одни на гостеприимной кухне, Давид спросил без обиняков:

– Какое дело у тебя, Вова?

– Давид, я решил перебраться в Москву. Расскажи, как тут насчет работы.

– Не в работе дело, – быстро сказал Давид. – В Москве только ленивый сидит без работы.

Дело в жилье. У тебя что там в Братстве? Дом?

– Дом, – ответил Вова, – пятистенка.

Давид подумал и сказал:

– Это не вариант. – Потом спросил. – А из милиции уйдешь?

– Ясное дело, – ответил Вова и даже пожал плечами.

– Правильно, уйди. Но уйди красиво: по семейным обстоятельствам. Возьми хорошую характеристику. Дадут хорошую?

– Да, дадут, – ответил толстый человек. А про себя подумал: «Одной бутылкой здесь не обойтись!» – Дадут, конечно, а зачем?

– Затем, что в Москве тоже поступишь в милицию.

– В милицию в Москве? Да это шило на мыло.

Давид засмеялся:

– Ну ты даешь, Вова! Ты думаешь, что сразу начнешь загребать лопатой? С чего? Что ты умеешь? Баранку крутить? Этим здесь никого не удивишь. Или у тебя есть просчитанная бизнес-идея? И начальный капитал? Нет, на харчи ты, конечно, заработаешь, а на съем квартиры, увы! Ты же стремишься в Москву – не в Третьяковскую галерею и не в Оперный театр. Так?

– Так, – кивнул Вова.

– А делать деньги. Так?

– Ну, так.

– Вот и начни с милиции.

– Взятки брать? – Напрямую спросил Вова.

– Не знаю, не знаю, – скороговоркой ответил Давид. – Брать – не брать. Не в этом дело. Поставят тебя объект охранять – какие взятки?

– А что тогда? – удивился толстый человек Вова Блинов.

– Общежитие, общежитие. Нужно устроиться с семейным общежитием. Я помогу. – Он стал серьезным и внимательно посмотрел на Вову. – Первое, с чего ты начнешь, примешь российское гражданство. Только не знаю, как это сделать: в Киеве, в Российском посольстве, или в Москве. Не знаю. Ты по паспорту кто: русский или украинец?

– Русские мы, – солидно сказал Блинов.

– Вот и хорошо. Где, как – тебе там из милиции видней. Если у тебя это несложное дело не получится, то и ничего не получится. Понял?

Вова подобрал губу и энергично сказал:

– Понял. Давай четыре капли на удачу.

Давид плеснул Вова коньяку, себе какой-то шипучки и поднял бокал:

– На удачу.

«Не зря приперся, – подумал Вова. – Мы свое возьмем!» – Он посмотрел на часы – у него были «Командирские». Пора было собираться. До вечернего поезда оставалось всего ничего.

«Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас, сразу обоих». Леонид Петрович часто повторял про себя эту фразу, поразительно точно составленную Михаилом Афанасьевичем Булгаковым. И когда задумывался, представлял даже не первую встречу Мастера с Маргаритой, которая несла в руках желтые мимозы, и не простодушное «я розы люблю», сразу разрушившее стену между двумя незнакомыми людьми, – он представлял, как душевнобольной Мастер ровным голосом рассказывает об этом душевнобольному Ивану Бездомному. И еще вспоминал эскадренный миноносец «Озаренный», где офицеры в очередь читали журнал «Москва» с сокращенным текстом великого романа. Какой это был год? 66-й? 68-й? Он никак не мог теперь вспомнить. Надо, надо сходить в библиотеку, посмотреть... Но не получалось. Жизнь в Москве требовала интенсивных телодвижений для поддержания жизни. Времени – не хватало. Нет, не по таланту, разумеется, а по расстановке фигур он сравнивал себя с Мастером. Его Маргаритой была Марина, они съехались – Марина из Полтавы, Леонид Петрович – из Таллинна, чтобы угнездиться здесь, в десятиметровой малогабаритной квартирке на Преображенке, принадлежавшей незнакомому им больному человеку, уже не первый год обретавшемуся в клинике. Квартирку сдавала его сестра. Марина и Леонид Петрович – оба оставили свои семьи ради друг друга. И Леонид Петрович был уверен, что Марина полюбила прежде всего его внутренний мир, его стихи и прозу. Можно надеяться, что он не ошибался. И если Маргарита вдохновенно следила за движением романа о Понтии Пилате, то Марина пошла дальше: она перепечатывала все сочиняемое Леонидом Петровичем на выдавшей виды «Эрике», причем делала это, извините великодушно за натурализм, сидя на крышке унитаза в миниатюрном санузле. Потому что в комнате великую-то жизнь то Леонид Петрович, то Маринин пятилетний сынишка, то оба вместе.

Михаил Афанасьевич окунул своих героев в Добро и Зло, в Мгновение и Вечность. И чтобы не отвлекать от высоких категорий, он избавил их от низких житейских хлопот: Мар-

гарита оказалась женой нелюбимого, но благородного и весьма обеспеченного ученого-специалиста, принадлежавшего к советской элите. Она не имела детей, зато имела домработницу, и отсутствие забот о хлебе насущном позволяло ей полностью отдаться устремлениям духа. Мастеру же великодушный автор подарил выигрыш по облигации в сто тысяч рублей, и он смог уйти со службы и реализовать потенциал художника и эрудита. Леонид же Петрович со своей Мариной тонули в перестроечной Москве, как лягушки в сметане, и, как усердные лягушки, колотили, колотили лапками белую жижу, сбивая масло, чтобы вылезти наверх и глотнуть воздуха. Это было время голых прилавков и продовольственных талонов. В Литфонде Леонид Петрович получал привилегированный талон, по нему отпускали колбасу, муку, крупу, сахар, масло и другие отсутствующие в свободной продаже продукты. Все это можно было купить не где попало, а только в магазине на бульваре Рокоссовского, куда его прикрепили. Леонид Петрович и Марина называли этот магазин «кормушкой». «Кормушка» обслуживала кроме Литфонда, Худфонд и Общество слепых. Поэтому в очереди, хвост которой шевелился непосредственно на бульваре, смешивались писатели, художники и полуслепые люди. Иногда попадались и слепые с детьми-поводырями. Писатели, художники и слепые в одной очереди – здесь, согласитесь, было что-то символическое.

Больше ничего некогда могущественный Литфонд сделать для Леонида Петровича не мог. Так, например, очень быстро растаяли слабые надежды на комнату в коммуналке: литфондовский жилой фонд взяли под контроль городские власти. Рухнули надежды и на издания книг. Он приехал в Москву с двумя рукописями прозы, предложил двум издательствам. Рукописи по инерции были отданы рецензентам, и рецензии писались, и люди получали какую-то копейку за свою, уже ненужную работу. Ненужную, потому что вдруг оказалось, что бумаги в издательствах нет и все хлопоты напрасны.

Однажды Леонид Петрович зашел в дом печати на Красной Пресне и стал предлагать свои услуги во всех расположенных там редакциях. Ему удалось получить заказы на театральные рецензии в «Московской правде» и «Вечерней Москве». Это была приятная работа. Он приходил в театр, обращался к администрации, его усаживали на удобное место, давали программку, потом спрашивали, как понравилось. Леонид Петрович не делал тайны из своих впечатлений – отвечал, как чувствовал, так же и писал. Когда Булат Окуджава сочинил свою песню: «Каждый пишет, как он слышит, каждый слышит, как он дышит, как он слышит, так и пишет, не стараясь угодить...», когда она дошла до ушей Леонида Петровича, она абсолютно легла ему на душу. В особенности вот эти, приведенные только что слова. Леонид Петрович знал всю песню наизусть и, не имея музыкального слуха, часто пел ее про себя, а когда никого не было, то и вслух. «В склянке черного стекла – так она начиналась – из-под импортного пива роза красная цвела гордо и неторопливо...» И, когда умер Булат Шалвович и прощание с телом состоялось, конечно же, на Арбате, в театре Вахтангова, Леонид Петрович пошел на Арбат, неся в руке одинокую розу. Покупая розу у станции метро «Баррикадная», он сказал:

– Дайте самую красивую – на гроб Булату Окуджаве.

– На гроб полагается две, – заметила продавщица.

– Я знаю, – ответил Леонид Петрович, – но у Окуджавы есть песня про одну розу. Так что дайте мне одну. – И потом, уже продвигаясь черепашьям шагом в очереди, которая тянулась по Арбату до Садового кольца, Леонид Петрович заметил, что многие из его сверстников тоже пришли с одним цветком.

Театральные рецензии Леонида Петровича стали появляться в обеих газетах, но не часто, и гонорары приносили скромные. В поисках заработка Леонид Петрович немало пообивал пороги и в результате зацепился в детской редакции радио, где с большим, надо сказать, удовольствием сочинял тексты песен для инсценировок сказок Гауфа и Андерсена. Эта работа легко сочеталась с поездками на литературные встречи. Сидя (или стоя) в троллейбусе, метро или вагоне электрички, он крутил в голове ритмическую сетку, наполняя ее словами, и,

дождавшись конца движения, тут же заносил сочиненное в рабочую тетрадь, подложив под нее старую папку участника совещания писателей, пишущих на темы о жизни пограничников.

Марина тем временем благоустраивала жилье. Денег на мебель не было никаких. А между тем было необходимо что-то в чем-то держать. Она приносила пустые картонные коробки из-под фруктов, сигарет и других товаров, как-то их пристраивала одну на другую, склеивала, и получалось что-то вроде шкафчиков, даже со створками.

Москва между тем кипела и бурлила: митинги, шествия, политические споры до хрипоты и до темноты на Пушкинской площади возле редакции «Московских новостей». О, эти «Московские новости» начала девяностых! Они переходили все мыслимые границы! Они просто-напросто рассказывали все, как было, как бы ужасно ни обстояло дело. «Огонек» и «Московские новости» не оставляли иллюзий относительно недавнего прошлого.

Но не могло же, не могло все поголовно население взять и развернуть свои мозги справа налево. Народ привык за много лет, что истина должна быть на всех одна: такая или сякая, но одна. Вот и доказывал каждый свое понимание, непременно стремясь убедить в нем рядом стоявшего. К вечеру пятачок возле «Московских новостей» разделялся на несколько кружков, и в каждом кружке шло свое сражение. Так на большой спортивной арене устанавливают несколько рингов, и там одновременно молотят друг друга бойцы разных весовых категорий. В ход шли неудержимые эмоции, красноречие заменяло разум, а сила голоса – силу доводов. Крик стоял неимоверный.

Леонид Петрович старался бывать на митингах, шествиях и спорах. Ему думалось, что это знаки на поворотах эпохи и, раз уж он оказался в этом времени и на этом месте, следует все увидеть, услышать и запомнить. Что удручало – это всеобщая озлобленность, причем не только на политическом уровне, но и на бытовом. Грубость и бесцеремонность обернулись нормой столичной жизни. Однажды в овощном магазине на него стал орать грузчик, упрекая за позднее посещение. До закрытия оставалось пятнадцать минут – не так уж мало.

– Не кричи на меня, – сказал ему Леонид Петрович, – я этого не люблю.

– Ну, козел, я тебе устрою, – злобно ответил вспомогательный работник торговли. Он ожидал Леонида Петровича в широком застекленном тамбуре между входными и внутренними дверьми. Леонид Петрович отдал сумку с картошкой Марине и попросил ее приотстать. На флоте он немного занимался самбо, даже вел занятия с матросами, так что предстоящее столкновение – не пугало. Он хотел поймать напавшего грузчика на заднюю подножку, но – не получилось. Пьяный человек рухнул, не дожидаясь проведения приема, и Леонид Петрович оказался сидящим на нем верхом. Все это было глупо, бессмысленно и как-то тоскливо. «Откуда такая злоба? Например, на меня? Почему, собственно?» Так думал Леонид Петрович, неся взятую с боем картошку.

Марина шла по Старому Арбату, который успели к тому времени превратить в пешеходную зону, покрытую брусчаткой и освещенную стилизованными под старину фонарями. И все это уютное пространство от ресторана «Прага» до Смоленской площади заняли картины, матрешки разных мастей, павловопосадские платки, деревянные ложки, резные и раскрашенные, резные шахматы, дергающиеся настенные клоуны, а также элементы советской военной формы: кители, тужурки с погонами старших и младших офицеров, собственно погоны, фуражки, бескозырки, матросские бушлаты и форменные блузы. Кроме того, значки: «ГТО» первой и второй ступени, спортивные разряды, «Кандидат в мастера спорта» и «Мастер спорта СССР». Лежали на прилавках и медали и даже ордена, значки «За дальний поход», «Отличник боевой и политической подготовки», «Специалист 1-го класса». На вытянутых в линию столах красовались знамена – воинские и другие, например знамя победителей в социалистическом соревновании, военно-морские флаги: белые, с синей полосой внизу, с серпом-молотом и звездочкой в верхнем углу и гюйсы: красные, с очерченной белой линией звездой. Рухнувшая держава спускала с лотка атрибуты своей государственности.

На человека средних лет это многообразие вчерашних святынь, брошенных на прилавок, производило шоковое впечатление. И даже если человек этот в недавнем прошлом был настроен скептически ко всепроникающей идеологии, теперь он ежился от вида пущенных в продажу правительственных наград, потому что как ни крути, а они были оценкой наших трудовых и служебных напряжений. Это было не просто отменой традиций – это было глумлением над традициями. За это глумление платили: кто – из злорадства, кто – из жадности к политической экзотике.

Проистекал этот небывалый арбатский вернисаж отнюдь не в тишине. Звуковой фон был волен и многообразен. Пожилой инвалид с завидной копной седых волос жал заскорузлыми пальцами слесаря на клавиши старого аккордеона «Красный партизан» и пел, не имея голоса, «Раскинулось море широко». В потертый футляр не густо, но регулярно опускались небольшие деньги. А уж полонез Огинского, полонез Огинского разливался во всю силу своей сентиментальной грусти – его извлекал из скрипки благородного вида музыкант с бледным лицом, длинными волосами и в концертном фраке. Публика слушала его, образовав почтительный кружок, и жертвовала за удовольствие. Девочка-вундеркинд лет шести, не более, то играла на флейте, то пела, то танцевала, отец сопровождал её наэлектрогитаре с небольшим динамиком. Хмурые ветераны Афганской войны низкими суровыми голосами пели, конечно же, под гитару, свои ветеранские песни. В них боль и обида были выражены неумелыми словами, положенными на неумелую музыку, но что-то было в этих поющих солдатах с неулыбчивыми лицами, что-то такое, что останавливало возле них людей разных возрастов, разного достатка и разного культурного уровня. Пожилой жонглер работал попеременно с булавами, мячами и кольцами, ему ассистировала женщина, по всей видимости, жена. Но то ли потому, что у них не было музыки, то ли мешала бытовая одежда, то ли отсутствие какого бы то ни было помоста, только дело у них не ладилось, цирковое пространство не образовывалось, чуда искусства не вершилось.

Зато уж джаз!

Джаз словно создан был для этой брусчатой мостовой, для непосредственного общения со зрителями, минуя директоров, администраторов, кассиров, билетеров, и прочие службы. С какой самоотдачей отрывались солисты – будь то саксофон, аккордеон или ударные! В особенности – ударные! Что выделывал пожилой толстяк в тирольской шляпе! Он то обуздывал ритмы, то выпускал их на волю со всей мощью тарелок, большого и малого барабанов, то опять умирлял, утихомиривал, и умирающий ритм еле дышал, танцуя на кончиках барабанных палочек, которые выносили его на обод барабана, потом – на спинку стула, потом, вызывая восторг публики, – прямо на брусчатку, и ловкий толстяк-ударник доводил его до ног своих слушателей и возвращал обратно, в лоно мощи и звона изумительных мелодий.

Марина часто бывала на Арбате и, как ни странно, она была не только соглядатаем, но и участником арбатской коммерции. Натура деятельная и трудолюбивая, она не могла сидеть дома, сложа руки в ожидании Леонида Петровича. Сочинять музыку «всухую», припрятывая созданные ноты до лучших времен, ей не улыбалось. Однажды в юности, в Крыму, она попала на выставку «натурального искусства». Имя художницы начисто забылось, а сама выставка запомнилась. Марину тронули тогда эти аппликации, иногда миниатюрные, иногда внушительных размеров. Изображались пейзажи: морские, речные, горные, также – сады, горные озера, иногда – поле, рассекаемое извилистой дорогой. Натуральным это искусство называлось потому, что материалами для аппликаций служили элементы природы: береста, кора дуба, мхи, хвоя, сухие веточки, камыш, травы и листья разных оттенков и т. д. Пейзажи были узнаваемы, от картин веяло теплом. Теперь Марине пришлось в голову самой сделать нечто подобное. Леонид Петрович горячо поддержал эту идею. Он был рад тому, что у Марины появилось занятие. Тем более речь шла пусть о дилетантском, но творчестве. Прогулки по московским паркам стали носить осмысленный характер, и вскоре антресоли их миниатюрной квартиры

были забиты дарами щедрой, как выяснилось, московской природы. На Измайловском вернисаже они купили несколько некрашенных рамок, в хозяйственном – клей и бесцветный лак. Рабочим местом служил тот же унитаз, накрытый крышкой, рабочим столом – кусок ошкуренной доски. Холстом – фанера. Итак – коробочки с природным материалом, ножницы, клей, фанерка, воспоминания, фантазия, пространственное воображение, рамка, лак – дело пошло, и пошло, к удивлению, совсем неплохо. Украинская хатка с садочком и выпуклым плетеным забором, букет цветов на столе, горное ущелье из дубовой коры, в котором угадывалось что-то демоническое.

Леонида Петровича поразило не столько пробуждение в Марине неведомого доселе таланта, сколько товарная законченность каждой вещицы, выходявшей из ее рук. В неделю из совмещенного туалета выходило ровно семь, скажем так, картинок: по одной каждый день.

Однажды, в расхлябистый апрельский день, Марина собрала в хозяйственную сумку все свое художество и отправилась на Арбат.

Арбат кипел и бурлил. Здесь пели, играли, читали стихи, продавали, покупали, фотографировались в обнимку с ручной обезьяной. Все было как-то притерто. Каждый знал свое место, свой маневр, состав набирал скорость, и казалось, было уже невозможно запрыгнуть на подножку, хватаясь за скользкий поручень. О том, чтобы стоять открыто со своими картинками не могло быть и речи: Марина стеснялась.

Она нерешительно брела мимо живописных и графических работ, выставленных на продажу, посматривала на продавцов, вслушивалась в их беседы друг с другом и, к сожалению, убеждалась, что все они – авторы, и их товар – их детище. Но вот взгляд ее остановился на человеке, который никак не мог быть художником. Дело было даже не в его рваной трехцветной куртке и убогом «петушке» на голове – дело было в том, что товар был у него разноплановый: акварельные миниатюры, застекленные аппликации и карикатуры на политических деятелей, исполненные темперой. Марина приблизилась к нему.

– Что-нибудь желаете?

У него был дефект речи. И получилась так: «Дто-нибудь делаете?»

– Нет, – проговорила Марина. – Я хочу свое предложить.

– Покажите, – сказал продавец.

Он был большой, сутулый, лицо какое-то недолепленное, асимметричное, толстые щеки плохо побриты, в беззащитной улыбке обнажались верхние десны. На носу по промозглому времени висела капелька.

Преодолевая неприязненное чувство, Марина стала доставать из сумки свои «картинки», а продавец принялся раскладывать их на двух картонных коробках, поставленных кверху дном. Потом он отошел на шаг и стал рассматривать аппликации, меняя угол зрения.

– Меня Яша зовут, – заявил продавец и вытер нос рукавом когда-то яркой куртки. Под мышкой оказалась дырка. Из нее выпирал поролон.

– Я Марина, – ответила Марина и слегка поклонилась, чтобы не подавать руки.

– Какая прелесть! – вдруг сказал Яша (получилось – «гагая бедесть»).

– Вам нравится? – строгим от смущения голосом спросила Марина.

– Весьма (бедьма), – сказал Яша – Я забираю все! Сейчас составим список и проставим цены. Я работаю на тридцать процентов. Телефона у меня нет. Я буду звонить вам из автомата.

Запахло ярко выраженной аферой. Но Марина только усмехнулась. Она не очень-то верила, что ее изделия могут превратиться в деньги.

«В крайнем случае, – подумала она, – картинки найдут своего зрителя, и ладно!»

В то же время картинок было жалко. Они были родными и теплыми. Вместе с ними уходили в неизвестность милые сердцу места и милые сердцу моменты, пространство и время – вечные пленители человеческой души, ее отрада и ее печаль. «Ах, какие красивые мысли!»

– Марина попыталась иронически улыбнуться, но – не получилось: ей и вправду нравилось мыслить красиво, и, право, в этом не было ничего дурного.

Но Яша, как позже оказалось, и не думал никого обманывать. Он дважды звонил Марине и вручал ей оговоренные суммы. Мелкий арбатский коммерсант. Нищий и честный.

Арбат, между тем, плескался и бурлил. «Ты течешь, как река, странное название...» Река обтекала погруженную в свои мысли молодую женщину, и брызги не касались ее.

Марина вздрогнула, когда кто-то дотронулся до нее и назвал ее по имени. Знакомые до боли черты слегка, впрочем, располневшего лица, иронический прищур глаз, который когда-то сводил ее с ума. Это был Костя Полишук, ее первый восторг и первое разочарование, ее счастье и беда, первое испытание юного сердца. Роман начался на первом курсе. Костя учился на актерском. Оба подавали надежды, восхищались друг другом и каждый собой. Потом Костя перевелся в Москву. Его приняли в ГИТИС – это было великолепно! Они встречались редко, но писали друг другу часто. Его письма были такими смешными! Он был добр, остроумен и талантлив. Право же, он мог бы выступать на эстраде со своими юморесками – ему бы удалось!

Потом как-то так получилось, что Костя женился. Женился по какой-то инерции вихревого движения суматошной московской жизни.

Вспомнилась их последняя встреча в крошечном номере гостиницы ВДНХ, как они оба плакали, то кидаясь друг другу в объятия, то отскакивая друг от друга, словно пораженные электрическим током. И эти поцелуи жалости – друг к другу и к себе. В тот момент казалось, что горе это пожизненно. Потом острота ушла, ее сменила досада, и Марина вышла замуж за своего сверстника из Политеха. И Костя, как ни странно, мучился от того, что она вышла замуж. У него уже родился ребенок, он был хорошим, старательным отцом, а вот нате вам, мучился по такому поводу. И писал ей отчаянные, сумбурные письма, что совсем уже не лезло ни в какие ворота.

У Марины в ее браке большого счастья тоже как-то не случилось, и брак этот со временем скукожился и сошел на нет.

Нечаянная встреча на Арбате вызвала в первый момент лавину забытых чувств: досаду, радость, разочарование. Они подкатили к горлу, мешали говорить. Потом вдруг все отхлынуло, стало легко и приятно смотреть на немолодого уже Костю, одетого как-то по-серьезному – в дорогой плащ и шляпу. Только длинные – до плеч – волосы напоминали о богомном прошлом.

– Какой ты стал важный, – сказала Марина, – прямо не узнать!

Костя тем временем распахивал перед ней массивную дверь недавно открытого на Арбате заведения под названием «Воды Лагидзе». Просторный зал с отполированным мраморным полом был уставлен редкими столиками. Простора было гораздо больше, чем требовалось для питья вод и съедания хачапури. По залу можно было прогуливаться, беседуя. Более того: шикарная лестница с вычурными перилами вела на второй этаж, где разместились выставка живописи грузинских мастеров. Картины были снабжены ценниками. Невольно вкрадывалась мысль, что недорогие, идеально охлажденные ВОДЫ, которые цедились из затейливых никелированных краников, и недорогие же хачапури явно не могли содержать это великолепие. Впрочем, в московском пространстве витало в то время много странностей, касавшихся, например, перехода недвижимости из государственных рук в частные, но с финансированием за счет государства. Оказалось, что Костя, талантливый шалопай и душа компании, имеет к этим процессам некоторое отношение – по линии как раз выставки грузинских художников, поскольку Костя работал нынче негде-нибудь, а в Министерстве культуры. Да-да, именно в министерстве, а ни в каком не в театре, ни на какой там, например, Таганке работал теперь Костя причем, занимал должность вполне уважаемую и, судя по всему, прибыльную.

Во всяком случае, когда пожилой умопомрачительно элегантный бармен заметил Костю, скромно пристроившегося пятым в очереди у стойки бара, он тут же снабдил его ВОДАМИ, хачапури, какими-то неведомыми восточными сладостями и артистическим движением пресек

попытку расплатиться, пресек, блестя золотой улыбкой и говоря: «Что ты, геноцвали, зачем обижаешь, не обижай!»

В тишине и прохладе «Вод Лагидзе» Костя поведал Марине, что, учась в ГИТИСе, вовремя сумел оценить скромность своего таланта по сравнению с московскими звездами и понял, что ему как артисту в первые ряды здесь не выбраться ни за какие коврижки. А пятидесятые ряды Костю не устраивали. Тогда Костя перевелся на театроведческий. И вот теперь, пожалуйста, он устроился вполне сносно. О Марине Костя кое-что знал. Но то, что она рассталась с мужем и соединилась в Москве с другим человеком, он услышал впервые. Как ни странно, это сообщение пришлось ему по душе, даже развеселило. О, загадочная русская душа из города Харькова! Что ж, время романтических чувств осталось в прошлом. На смену любовной романтике пришла романтика выживания.

– Знаешь, сказал Костя, – мне по жизни помог мой тесть. А я помогу тебе. Вот моя визитка. Позвони в среду. Я до среды что-нибудь придумаю.

В среду Марина позвонила. Она выбрала время 11 часов, когда предположительно человек уже пришел на работу, провел, если заведено, утреннее совещание, но отбыть по делам еще не успел.

– Вы что, не знаете? – ответил ей рыдающий женский голос. – Его убили.

Затем раздался протяжный стон, затем – короткие гудки.

Гражданин России Вова Блинов, сержант уже российской милиции, сидел в набитом книгами подвальном помещении и читал при свете настольной лампы брошюру американского автора Герберта Н. Кэссона «Искусство делать деньги». Позволительно будет заметить, что из всех видов искусств этот занимал Вову более всего. Тем более что он им пока не владел. На мягкой обложке толстенькой брошюры была нарисована горилла в желтом клетчатом шарфе. Одной мохнатой рукой горилла прижимала к груди кучу банкнот, другой сыпала мелочь в перевернутую как бы для подаяния шляпу. То есть манипулировала денежным потоком. Из-за гориллы высовывался размещенный на заднем плане «Роллс-ройс» – символ преуспевания в начале XX века. Глаза гориллы были устремлены вдаль, вернее, в никуда, они ничего не рассматривали, а лишь отражали работу мысли, как у картежника, считающего в уме варианты.

«Ну вот, – думал Вова Блинов, рассматривая картинку, – обезьяна, стало быть, может делать деньги, а я не могу? Что я, глупее обезьяны?»

Книжицу вручил ему, посмеиваясь, Давид. Сам он, наверное, ее изучил, усвоил и применял теперь на практике: дела у него шли, кажется, неплохо. Во всяком случае Вова отнесся к труду известного английского предпринимателя со всем доступным ему вниманием, извлекая, таким образом, из халтуры по охране книжного склада двойную пользу: дополнительный заработок плюс познание азов бизнеса.

Книжка написана была внятно и доходчиво, точным и образным языком поучительной беседы. Однако доходило не все. Например, рассуждение о роли финансового директора, о проценте результативности как-то не обретали ясных очертаний. В то же время автор обращался непосредственно к читателю, в данном случае – к Вове Блинову, и Вова начинал чувствовать себя неким главой некой фирмы, пусть не до конца разобравшимся в вопросах результативности. И это было приятно. От этого сладко замирало сердце. Некоторые же вещи, некоторые, можно сказать, заповеди были совершенно понятны. Например: главное – не размеры магазина, а количество прохожих.

Это о выборе места расположения торговой точки.

Невыдающийся человек может сделать выдающийся бизнес.

Это было в самый раз! Подходило, как индпошив на нестандартную фигуру. Или: бизнес следует начинать с конца, то есть с обеспечения сбыта. Это тоже было ясно безо всяких оговорок. Осталось сообразить, что же именно сбывать.

Тут зазвучала мелодия Шуберта «Аве, Мария!». Звук был довольно противный – сдавленный голос электронного устройства, установленного вместо дверного звонка. В то время такие штучки входили в моду. Что касается самого подвального склада, то он был оборудован плохо. Деревянные поддоны под книжными штабелями покоились на пыльном цементном полу. Под единственный старый разбитый канцелярский стол был подсунут кусок линолеума случайной формы, чтобы сидящий за столом, двигая ногами, не поднимал цементной пыли. Стул был один. Он шатался. Время от времени приходилось его переворачивать и бить раскрытой ладонью по местам сочленений. Три трубки неоновой подсветки были неаккуратно подвешены на стенах – без плафонов. Зато звонок не просто тренькал, а изображал мелодию Шуберта. Бедный Шуберт!

Вова взглянул на часы. Кого это черти принесли в три часа ночи? Вова не был героем, но службу знал. Он достал из кобуры пистолет Макарова и снял с предохранителя. Затем поднялся по лестнице, ведущей к внешней двери, и спросил с угрозой:

– Чего надо?

– Откройте, я вам книжки привез!

Вова не засомневался.

– Утром приходите. После девяти.

– Мужик, я шофер-экспедитор из фирмы «Омега». Мне нужно срочно разгрузиться. Тебе что, не сказали?

– Никто ничего не говорил, – ответил Вова. – Ступай, не открою, бляха-муха!

В дверь стали дубасить.

– Говорят тебе, книжки привез! – не унимался ночной гость.

– Кончай, – крикнул Вова. – Милицию вызову!

– Во-во, вызывай, – отозвались за стенкой. – Милиции хоть откроешь. А у меня все в порядке. Разгрузись и уеду.

Вова призадумался. Может, вправду книги? Он спрятал пистолет в кобуру.

– Погоди, выясню!

После некоторых колебаний снял трубку и набрал номер хозяина склада. Хозяин сразу понял, в чем дело, через мгновение голос его стал ясным, будто человека и не поднимали с постели среди ночи.

– Наше упущение, – сообщил хозяин. – Вылетело из головы. И грузчика хотел на ночь оставить – забыл. Ты вот что, Володя. Открой ему. И прими товар, я тебя прошу. Я заплачу за работу. Сделаешь?

– Да как же, – замылся Вова. – Я же в форме. И при оружии.

– Да уж сообрази, Володя. Я тебя прошу, сообрази.

Положив трубку, Вова отпер дверь. Крытый брезентом «Газон» был полон.

– Давай накладную, – сказал Вова. – Буду принимать.

Накладная была на учебник Н. Вигасина «История древнего мира». Количество – десять тысяч штук. Десять тысяч!

– Правда, что ли – столько? – усомнился Вова.

– Точно, – подтвердил шофер-экспедитор, – семьсот четырнадцать пачек и четыре штуки россыпью. Россыпь упакована. Я подъезжаю к люку.

Люк находился низко, на самой земле. Потому при разгрузке между кузовом и люком должен был стоять человек. Шофер-экспедитор сначала стаскивал пачки к заднему борту, потом спрыгивал на землю и кидал их Вове. А Вова ловил и укладывал пачки штабелями, как это делают грузчики. Ни элеватора, ни даже лотка на складе пока еще не было, поэтому приходилось работать так элементарно. Вова разделся до пояса, и его жирные плечи и необъятный живот скоро обильно повлажнели. Несмотря на тучность, Вова был человеком проворным. Он безошибочно ловил летящие в люк пачки и складывал их, легко управляя грузным

телом. Сердце у Вовы работало отменно, одышки не было. Потом, когда они умылись (хорошо, в подвале имелся кран над крохотной чугунной раковиной), Вова спросил:

– Зачем так много одной «Истории»?

– Не понимаешь? – засмеялся шофер-экспедитор. – Это же левак. Левый тираж.

Вова расписался в накладной, и они расстались. До начала рабочего дня оставалось часа два. Вова попил кофе из термоса, съел бутерброд и задумался. Что получается: В. Блинов, сотрудник милиции, принял семьсот пятнадцать пачек, в чем и расписался, плюс десять штук рассыпью. Нет, конечно, нечего и думать, что хозяин склада – какой-нибудь авантюрист, там, или жулик, спрячет куда-нибудь пачки и скажет: «Знать ничего не знаю». Нет, конечно. Но тот же Герберт Н. Кэссон учит: «Будь осмотрителем!» И Вова решил быть осмотрителем. Он нашел на столе блок накладных и обрывки копирки и выписал в двух экземплярах накладную на десять тысяч учебников Н. Вигасина «История Древнего мира». В графе «от кого» он поставил свою фамилию, а в графе «кому» – фамилию хозяина склада. И когда хозяин явился на склад, протянул ему накладные, бормоча какие-то объяснительные слова: «Для порядка... чтобы никто никому... чисто формально» и так далее.

Хозяин внимательно прочитал накладные, потом внимательно посмотрел на Вову. В его взгляде было веселое любопытство. Он произнес: «Ну-ну», подписал накладную и протянул Вове. И неожиданно сказал:

– Молодец. Так и надо.

Помолчав, спросил:

– Хочешь заработать?

Вова хотел.

Герберт Н. Кэссон учит: «Невыдающийся человек может сделать выдающийся бизнес, если найдет и использует преимущество».

Небольшое преимущество перед некоторыми другими людьми у Вовы было. Он владел автомобилем – старенькой «шестеркой». Пока что «шестерка» возила Вову безо всякого бизнеса. Отныне на нее возлагалась важная миссия.

На первый раз Вова положил в багажник пятнадцать пачек «Истории Древнего мира» и поехал на книжную ярмарку. Ярмарка бурлила на пяти этажах Спортивного комплекса. Вова разорвал одну пачку, взял книгу и пустился в свое первое коммерческое предприятие.

На ярмарку Вова прошел без билета, показав на входе милицейское удостоверение. Он поднялся на пятый этаж, где торговали учебниками. Вова погрузил в толпу свое большое тело и поплыл по течению, и плыл до тех пор, пока его не прибило к прилавку, на котором он увидел ту же самую «Историю». Ту, да не совсем. Все сходилось: название, картинка. Только цвет чуть-чуть отличался. Краски были те же, но посветлее, чем на Вовином экземпляре.

– Сколько оптом? – спросил кое-что уже знающий Вова. Ему сказали. Цена была чуть не вдвое выше той, что он собирался запросить.

– А эту возьмете? – спросил Вова и протянул своего Вигасина.

– Сколько у вас? – поинтересовались за лотком.

– Пятнадцать пачек, – признался Вова.

– По сколько?

Вова назвал цену.

– Значит так, мужик, – ответили ему. – Скидывай два рубля, и я забираю все пятнадцать. Не скинешь – возьму только пять.

Так просто! Скинув два рубля, Вова в один миг зарабатывал... Значит так: пятнадцать пачек умножить на четырнадцать штук, умножить на три рубля (Вовина наценка)... Получался месячный оклад с гаком.

– Ну, согласен?

Но Вова молчал. Он стоял, толстый и молчаливый, и думал, оттопырив нижнюю губу. Думал упорно. Герберт Н. Кэссон учит: «Не продавай дешевле, если можешь продать дороже». Но он же наставляет: «Не гонись за ценой, если можешь воспроизвести (товар)». Вова мог воспроизвести. Достаточно было сесть в машину и смотаться к знакомому подвалу. Он думал, думал, наконец придумал:

– Рубль скидываю, бери все!

– Тащи.

Вове дали грузчика с тележкой, и они с грузчиком доставили по назначению все пятнадцать пачек.

Расплатились с Вовой тут же на месте. Ничего себе! У Вовы защипало в носу. Запахло бизнесом.

Леонид Петрович удлинил телефонный шнур, и теперь можно было таскать за собой аппарат по всей квартире, в том числе – на крохотную кухоньку и в крохотный санузел. Это было необходимо: аппарат трещал непрерывно, потому что Леонид Петрович с некоторых пор работал «девушкой на телефоне» Он работал у Ивана Шалуна, прибывшего в Москву из Средней Азии с банальной целью заработать денег. Впрочем, какой-то первоначальный капиталец у Ивана Моисеевича уже был.

Перестройка застала Шалуна (ну и фамилия, однако!) за исполнением обязанностей главного инженера строительного управления в городе Фергане. Так что фамилия – фамилией, а главный инженер в неполных тридцать – это совсем неплохо. Тут со строительством началась чехарда: один объект замораживают, другой – срочно форсируют: там уже действует кооператив с его невеликими, но живыми, теплыми деньгами. Деньги начали порхать, как птицы. Заманчивые и неуловимые. Шалун решил расставить силки. Он дал объявление в местной газете: «Объявляется конкурс на лучшее предложение, как быстро разбогатеть. Победитель получает приз – один миллион рублей».

Призового фонда у Вани Шалуна, конечно, не было. Но он и не собирался объявлять результаты конкурса. Так что первый коммерческий шаг главного инженера был весьма остроумным. Кто бы мог к нему придаться? Он же не выманивал деньги! Нет-нет, только идеи! А велика ли их ценность? Шалуну, например, ни одна не подошла. И все. Но ему и не пришлось давать никаких объяснений. Кому, спрашивается? В моменты потрясения структур! Смешно.

И все же одну идею Иван Моисеевич извлек из абонементного ящика, куда доверчивые граждане слали свои придумки. Идея была проста до гениальности, он присвоил ее без зазрения совести, она стала его идеологическим капиталом. Под эту идею Иван Моисеевич уволился из СУ и продал машину «копейку», что и дало маленький капиталец, с которым будущий бизнесмен и прибыл в столицу распадавшейся империи.

Через некоторое время в газете «Известия» появилось объявление: «Вниманию книголюбов! Объявляется открытая подписка на: а) полное собрание сочинений Конан Дойла – в восьми томах, б) полное собрание сочинений Майн Рида – в двенадцати томах». Далее шли расценки и условия подписки. Деньги (за все тома сразу!) следовало высылать на расчетный счет фирмы «Центр маркетинга Т-Бридж», почтовые же квитанции с приложением паспортных данных – по близкому адресу на абонементный ящик. Вот так. О получении талонов будет объявлено дополнительно.

Что тут можно сказать про Ивана Моисеевича Шалуна? Он поймал момент. Это был уникальный в истории нелепого государства момент, когда запреты на издание книг исчезли, а пищи для утоления многолетнего книжного голода еще не было. Это был канун книжного бума. Безветрие перед ураганом. Нужно было успеть, пока словосочетание «полное собрание» не потеряет привкус почти запретного плода. Иван Моисеевич успел.

На расчетный счет фирмы с вычурным для непонятности названием потекли деньги, в абонементный ящик конверты с квитанциями и паспортными данными. Впрочем, о ящике уже

не шло и речи. Конверты складывались в почтовые мешки. Почтовым работникам пришлось выплачивать прибавку к зарплате. Количество полных мешков росло. Сумма на счету в скором времени перевалила за двести миллионов. Неухоженные, полуголодные люди желали непременно прочесть Конан Дойла и Майн Рида в полном объеме. Раньше они не могли и мечтать о такой роскоши.

Стали приходиться на абонементный ящик и телеграммы с нетерпеливыми вопросами: «Деньги перевели, когда же результат?»

Иногда Шалун прикрывал веки и представлял мысленно просторы родины, на которых были разбросаны участники шального мероприятия. Просторы представлялись необъятными. Становилось жутко. Пора было начинать действовать. Нужно было успокоить публику и налаживать производство. Ивану Шалуну требовался помощник. Он объявил об этом своим немногочисленным знакомым, и кто-то из них вспомнил о Леониде Петровиче.

Они встретились в скромном номере гостиницы ВДНХ, который снимал Шалун. Иван Моисеевич радушно принял гостя, помог снять плащ, усадил в кресло.

– Я скоро перееду, – объяснил он, – буду снимать квартиру возле метро Домодедово, а пока вот – в гостинице. Пиво? Пепси?

Леонид Петрович смущенно отказался.

– Меня зовут Шалун Иван Моисеевич. Можно просто Ваня.

Леонид Петрович тоже представился. Он взглянул на Шалуна снизу вверх, потому что Шалун не садился. Иван Моисеевич был из тех людей, которым не сидится на стуле. Избыток энергии заставляет их бежать или идти, а если бежать и идти некуда, то – хотя бы стоять, перебрасывая с ноги на ногу тяжесть тела. Высокий, худощавый, с красиво посаженной головой, он как магнитом притягивал к себе внимание собеседника. Русско-еврейское имя-отчество и по-азиатски узкие глаза говорили о коктейле, намешанном в его крови. Леонид Петрович знал, что такие люди часто бывают незаурядными. Шалун сразу предложил Леониду Петровичу триста тысяч в месяц без вычетов, за это Леонид Петрович должен был с восьми утра до восьми вечера сидеть на телефоне и отвечать на звонки подписчиков. Что тут скажешь? Зарплата была по тем временам отменной. К тому же Бюро пропаганды художественной литературы свернуло свою благородную деятельность. Приходилось искать заработок. А тут заработок сам плыл в руки. Работа, правда, лежала далеко от творчества, но капризничать не приходилось.

На другой день Шалун дал в газете объявление с номером телефона Леонида Петровича, и вскоре Леонид Петрович слился со своим телефонным аппаратом намертво. С восьми до восьми он был прикован к нему, как раб к галере. Однако, несмотря на время, указанное в газете, звонки не утихали и после двадцати часов. Тысячи настоящих и будущих подписчиков поселились в крохотной квартирке гостиничного типа. С Мариной Леонид Петрович общался только ночью. Когда она укладывала мальчика спать, он уходил со своим аппаратом в кухню или в туалет и давал, давал разъяснения на какой расчетный счет, какой абонементный ящик, когда появятся подписные талоны, а когда и первые тома. Неординарная зарплата требовала неординарных усилий.

Снимать деньги со счета и банально закупать бумагу Ивану Моисеевичу ужасно не хотелось. Он чувствовал дрожащим от восприимчивости нюхом, что где-то рядом притаилась халява. Нужно только нащупать ее и взять. Где-то совсем близко. Тем более что в воздухе, которым дышали начинающие коммерсанты, повисло слово «бартер».

В небольшой квартире на Домодедовской улице собрался штаб. Или, если отойти от военной терминологии, – производственный отдел. Разместились неудобно, на разложенном двуспальном диване, сидели рядком, не облакачиваясь: спинки не было. Рядом с Леонидом Петровичем сидела жена Шалуна Тамара, изумительной красоты женщина с тонкими чертами лица, темноволосая, с роскошной навечно загорелой кожей, которую она любезно демонстрировала окружающим, находясь в открытом до предела сарафане. Нет-нет, двусмысленные

улыбки здесь неуместны, потому что сарафан, как сказано, был открыт только до предела. А сверх предела все было закрыто. Но и сарафан был красив: ярок и облегающ. Вместо банальных лямок красовались черные шнурочки – по два на каждом в меру полном плече, а вырез, как было уже замечено, открывал все позволительное, а ничего непозволительного не открывал. И только при повороте ладно сбитого тела намечался едва заметный намек на щелку, переходящую, как можно вообразить, в углубление, – и только. Одним словом, царица Тамара была, конечно же, украшением этой компании коммерчески озабоченных мужчин. Однако же и она не являлась небожительницей, отнюдь. Тамара вела всю канцелярскую часть предприятия и была просто-напросто бухгалтером миниатюрной фирмы с непонятным названием, а ее паспортные данные и образец подписи хранились в банке.

Рядом с Тамарой сидел ее племянник Антон, парень лет двадцати пяти, слегка подавленный миссией, которую на него возложили. Это был человек скорее полный, чем худой, слегка мешковатый, но в полусонных от роду глазах читалось желание влиться в новую жизнь и выйти на качественно иной материальный уровень. Ему была уготована роль командировочного: он должен был увязывать бартерные дела повсюду, где они завяжутся, по всей абсолютно стране.

Леониду же Петровичу предписывалось, отвечая на звонки, интересоваться, откуда звонят, не с завода ли какого? Если да, то – что они могут предложить и что им нужно взамен. Дело в том, что бумкомбинату в Карелии нужны были трубы. За трубы давали бумагу. Трубы нужно было приобрести в обмен на что-то другое, это другое – в обмен на третье, и так далее, и следовало собирать звено за звеном цепочку – до тех пор, пока не найдется тот, кто согласится дать что-нибудь в обмен на подписку Конан Дойла и Майн Рида.

Забегая вперед, можно с удивлением констатировать, что – находились. Чаще всего это были комитеты комсомола или общества книголюбов предприятий, которым было по силам заслать по адресу пару вагонов проката или, скажем, кирпича – в обмен, действительно, на подписки. Каковые подписки продавались населению за обыкновенные деньги. В общем, на местах тоже находились инициативные люди.

Но вернемся к совещанию на Домодедовской. Для завершения картины нужно представить сидящего на единственном стуле Ваню Шалуна, внедряющего в инертные мозги аудитории огненные трассы коммерческих идей. Также представим и сына Вани Шалуна пятилетнего Мишку, который просто физически не мог сидеть на месте и молчать. Он носился по небольшой комнате, активно проживая свою, воображаемую, жизнь, пробегал за спинами участников совещания, цеплял их за плечи, и бормотал что-то одному ему известное, порой срываясь на воинственные крики. Когда шумовое и энергетическое поле, создаваемое ребенком, перекрывало поле делового общения, отец ловил его, прижимал одной рукой к себе, а другой закрывал без умолку говорящий рот. Сообщив собравшимся очередную мысль, он отпускал сына, и тот продолжал свое стремительное движение, словно автогонщик, которому за считанные секунды сменили колеса.

В конце совещания Леонид Петрович получил необычное задание:

– Нам нужна машина мяса, – заявил Иван Моисеевич. – За машину мяса завод искускож отпустит нам бум-винил для обложек – вне очереди и по пониженной цене.

Действуйте, Леонид. На вас надежда. В Эстонии ведь мясо есть?

В Москве в это время мясо было в дефиците.

– Алло, Эстония? Выру? Справочная? Не говорите по-русски? Эй ряке венэ? Хорошо, попробую по-эстонски. Провин ээсти келлель. Мне, пожалуйста, совхоз «Вяймела»! Ма палун Вяймела совхози директори телефони нумбер. Еще раз! Веель корд, ма кырьютан, я пишу. Суур айте.

Прежде чем повесить трубку, Леонид Петрович услышал чистую русскую речь с еле заметным акцентом: «Для москвича вы говорите по-эстонски вполне прилично. До свидания».

«О, времена, о, нравы!» – высокопарно подумал Леонид Петрович и принялся накручивать номер директора совхоза «Вяймела». Директор оказался на месте.

– Здравствуйте! – Леонид Петрович назвал. – Вы меня, наверное, не помните? Я...

– Помню, помню, – посмеиваясь, перебил директор. У него был низкий голос, и говорил он всегда, чуть посмеиваясь. Леонид Петрович сразу представил себе его массивную фигуру, полное гладковыбритое лицо со светло-голубыми, почти бесцветными глазами. От него всегда веяло покоем и благодушием.

– Я был у вас три года назад, писал о вас очерк...

– Помню, читал. Хорошо написали, спасибо.

– Но я вам тогда не прислал журнал...

– Ничего, мне прислали, спасибо.

Леонид Петрович представил себе скромный, но с изумительным вкусом обставленный кабинет директора и его самого, посмеивающегося, пошучивающего, абсолютно безмятежного. Казалось, он не прикладывает ни к чему никаких усилий, просто является неким центром вращения, как умелый хула-хупщик, который почти не двигает телом, а обруч вращается вокруг него как заведенный. Так вращалось, будто само по себе, немалое совхозное хозяйство: малочисленные, но эффективные полеводческие бригады, три скотофермы, картофелехранилище с мощными воздуходувками и нехитрым механизмом, поворачивающим картошку; как бы сами по себе возникали бесконечные цветники на территории усадьбы, плескалась вода в бассейне с красивыми мозаичными стенами, жил своей жизнью сельхозтехникум с собранными со всей республики трудолюбивыми студентами.

Все это разглядел, разведаль тогда Леонид Петрович, и сейчас, сидя на убогом раскладном диване в миниатюрной своей временной квартирке, почувствовал в горле предательский комок ностальгической тоски. Но Леонид Петрович решительно проглотил неуместный комок и приступил к делу.

– Вы только не удивляйтесь, я сейчас работаю у одного предпринимателя, который издает полное собрание сочинений Майн Рида и Конан Дойла, и ему для этого нужна машина мяса.

– Я ничему не удивляюсь, – посмеявшись, пробасил директор эстонского совхоза. – Какого мяса: свинины или говядины?

– Попролам, – бухнул не готовый к ответу Леонид Петрович. – И недорого.

– Вы только не удивляйтесь, – в тон ему заявил директор, – но мне нужен вагон комбикормов. Вы мне вагон комбикормов – я вам машину мяса. И будет у нас бартер. Договорились?

– Договорились, – неуверенно отозвался Леонид Петрович.

– Запишите мой железнодорожный адрес, – потребовал директор. И без паузы, по всей видимости, на память, продиктовал реквизиты.

Леонид Петрович положил трубку, и телефон тотчас же зазвонил.

– Это центр маркетинга Т-Бридж? – спросил строгий женский голос. Леонид Петрович узнал этот голос сразу: он принадлежал Людмиле Аристарховне, председателю общества книголюбов города Силамяэ. Положительно, это был час Эстонии! Когда-то по приглашению этой достойной дамы он приезжал в Силамяэ, закрытый город, в котором велись секретные работы, – выступать перед книголюбями со своими стихами и рассказами.

Людмила Аристарховна, веселая и властная женщина, в прошлом – секретарь райкома по культуре, замечательно организовывала творческие встречи, стараясь так поставить дело, чтобы приехавший из Таллинна писатель отработал за день две, а то и три путевки.

– Я насчет подписки, – продолжала между тем Людмила Аристарховна. – Я готова организовать коллективную подписку – человек десять, не меньше. Какая будет скидка?

– Людмила Аристарховна, здравствуйте, – широко улыбнулся Леонид Петрович. – Как поживают ваши внуки?

– Здравствуйте, здравствуйте, – отозвалась Людмила Аристарховна, – ее ничуть не удивило, что кто-то знает ее имя и ее внуков. – Внуки здоровы. Так как насчет скидки?

– Я поговорю с начальством и сам вам позвоню.

– Хорошо. Буду ждать. – Она повесила трубку.

Леонид Петрович нажал на рычаг и тут же отпустил, чтобы не успел прорваться очередной подписчик. Он набрал 09.

– Министерство сельского хозяйства РСФСР!

Ему дали телефон приемной.

– Мне нужно, – попросил Леонид Петрович, – в коммерческих целях, – где имеются заводы комбикормов.

Первым ему назвали город Тольятти. Кто бы мог подумать! Тольятти как-то всегда связывался с ВАЗом – и только. Хорошо, что в телефонном справочнике имелись справочные службы всех городов.

– Тольятти? Справочная? Мне завод комбикормов, пожалуйста. Что именно? Общество книголюбов и комитет комсомола. Книголюбов нет? Давайте комитет комсомола.

Ответил мужской голос.

– Комитет комсомола?

– Да.

– Вы кто?

– Я – Дима.

– Дима, вы решаете вопросы?

– Я? Решаю.

– Тут такое дело. Я представитель издательской фирмы. Мы проводим подписку на два полных собрания: Конан Дойла и Майн Рида.

– Так, – сказал Дима.

– Мы предлагаем вам некоторое количество подписок.

– Сколько? – спросил Дима.

– Ну, десять, – подумав, сказал Леонид Петрович.

– Так, – повторил Дима. – А что вам надо?

– Нам нужен вагон комбикормов.

– Подписки бесплатно?

– Бесплатно.

– Позвоните через полчаса.

Через полчаса Дима заявил:

– Вопрос решен. Говорите адрес, куда высылать.

Леонид Петрович продиктовал реквизиты.

– Да, кстати, как вас зовут, и ваш номер телефона!

Леонид Петрович назвал себя и продиктовал номер.

– До свидания, – сказал Дима. – Ждите.

И все.

И все?

Без бумаг, без договоров, не слезая с дивана? Под подписки, на которые еще и талонов-то не напечатали! Что тут можно было сказать? Перестройка...

Через две недели сквозь частокон телефонных звонков прорвался голос со знакомым до боли эстонским акцентом: «Мы тут мясо привезли. Находимся у “Динамо”. Приезжайте, поедем с вами сдавать мясо!»

Бумвинил на обложки первого тома Конана Дойла был получен.

К чему лукавить: Леонид Петрович был рад и горд, он испытывал чувство подъема сродни тому, которое посещало его прежде при выходе в свет рассказа или подборки стихов.

Особенно обострилось это чувство, когда Ваня Шалун сам пожаловал в его крохотную квартиру и вручил Леониду Петровичу премию в миллион рублей – за коммерческую инициативу. Формулировка привела Леонида Петровича в восторг. Вот как: за коммерческую инициативу! Знать бы Леониду Петровичу, что настоящую-то коммерческую инициативу проявляли в это смутное время люди совсем другого масштаба. Они оперировали не вагонами, а составами, и – что там комбикорм: цветные металлы, партии новых автомобилей, месторождения полезных ископаемых плавно перетекали в частные руки, и что там миллион тех обесцененных рублей – миллионы долларов ломались на счета вновь и вновь открывавшихся банков. Но Леонид Петрович и не подозревал обо всем этом. Иван, например, Моисеевич, подозревал, но не знал, как сменить масштаб, и временно довольствовался своим книжным предприятием. Леонид же Петрович, как натура все еще восторженная, был упоен открывавшейся стезей делового человека. Он и в прежней-то, таллиннской жизни любил примерять на себя то ту, то иную профессию, как куртку, покупаемую на сезон. Умудрился после демобилизации поработать истопником на БАМе, лесорубом в Усть-Илиме, докером в порту. В ход шли даже такие экзотические профессии, как дрессировщик слонов в зоопарке и артист в альтернативном театре на хозрасчете. Теперь он намеревался освоить новую профессию – коммерсанта – и по примеру прежних случаев написать потом книгу на этом материале. Он не знал тогда, что из коммерции уйти гораздо труднее, чем из леспромхоза или бродячего театра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.